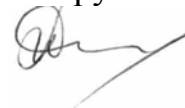

На правах рукописи

ДОРОФЕЕВ
Михаил Васильевич

**РАЗВИТИЕ КРЕСТЬЯНСКОГО ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ В
ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА**

07.00.02 – Отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Томск – 2010

Работа выполнена в ГОУ ВПО «Томский государственный университет»
на кафедре археологии и исторического краеведения

Научный консультант: доктор исторических наук, профессор
Андреев Валерий Павлович

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, профессор
Куперт Юрий Васильевич

доктор исторических наук, профессор
Чуркин Михаил Константинович

доктор исторических наук, профессор
Шиловский Михаил Викторович

Ведущая организация: ГОУ ВПО «**Алтайский государственный университет**»

Защита состоится 4 июня 2010 г. в 15.00 на заседании диссертационного совета Д.212.267.03 при ГОУ ВПО «Томский государственный университет» (634050, г.Томск, пр. Ленина, 36)

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке ГОУ ВПО «Томский государственный университет» (г.Томск, пр.Ленина, 34 а).

Автореферат разослан « 05» апреля 2010 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор исторических наук,
профессор

О.А. Харусь

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Земельные отношения занимали и занимают особое место в социально-экономической и политической жизни страны, нерешенный аграрный вопрос был причиной социальных конфликтов и революций начала XX в. Не подлежит сомнению то, что при проведении жизненно важных преобразований, таких как реформирование сельского хозяйства, необходимо учитывать традиции аграрной жизни России, как в целом, так и в отдельных ее регионах. Формирование крестьянского землепользования в Западной Сибири имело свою специфику отличную от условий центра страны. Крестьянское землепользование являлось частью аграрного строя Сибири и представляло собой систему взаимоотношений, а отождествление его только с размером земельных угодий не верно. Реконструкция развития крестьянского землепользования, как системы взаимодействия сложившихся в сибирских условиях элементов сельскохозяйственной практики, необходима для определения типов аграрной эволюции с учетом пространственного и биоклиматического потенциала края. Однако крестьянское землепользование не рассматривалось исследователями как самостоятельная проблема, до сих пор не было попытки всестороннего комплексного его изучения.

Исследование процессов, происходивших в крестьянском землепользовании в Западной Сибири во второй половине XIX в., позволяет дать объективную оценку дальнейшему ходу аграрных преобразований в регионе, начавшейся в пореформенный период модернизации крестьянского хозяйства. Исследование вопросов землевладения и землепользования было и остается актуальной проблемой отечественной истории особенно сегодня, когда делаются попытки идеализировать аграрную политику самодержавия и условия жизни дореволюционного крестьянства. В последние годы вновь пробуждается интерес к аграрной истории Сибири, а происходящие сегодня перемены заставляют вернуться к истории крестьянства и сельского хозяйства. Исследование проблемы как системы отношений способствует расширению рамок исторического знания.

Степень изученности темы:

Сложность историографического обзора по интересующей нас теме заключается в том, что вопросы крестьянского землепользования не рассматривались в целом, а только как часть процессов, происходивших в аграрном секторе. Крестьянское землепользование в Западной Сибири во второй половине XIX в. представляло собой целый комплекс взаимоотношений и зависело от природно-географического фактора, аграрной и переселенческой политики правительства, а также от обычно-правовых отношений, функций поземельной общины и систем земледелия. Это требует вовлечение в исследовательскую канву обширного круга

работ географического, историко-экономического и социально-психологического профиля, охватывающих дореволюционный, советский и современный периоды и отражающих основные тенденции в исследовании заявленной проблемы, как в общероссийском, так и в региональном сибиреведческом аспекте.

Дореволюционная историография. В целом обширнейший край на востоке империи, несмотря на изредка появляющиеся на страницах периодической печати сообщения о жизни за Уралом, на публикацию художественных произведений, мемуаров декабристов и чиновников, биографически-связанных с Сибирью, был мало известен столичной интеллигенции и читающей публике «внутренней России»¹.

Важнейшая заслуга в изучении Сибири принадлежит такому течению как областничество. Знаковым событием в исследовании роли природно-географического фактора в освоении региона и закреплении в нем земледельческого населения стал фундаментальный труд Н.М. Ядринцева², в котором наряду с обстоятельным анализом естественно-географических и климатических условий колонизируемых пространств, автор сфокусировал свой взгляд на проблеме территориального распределения переселенческих потоков, соответствия природных условий мест выхода и водворения переселенцев. Подход к исследованию естественно-географической среды Зауралья в единстве с происходящими там историческими процессами, разработанный Н.М. Ядринцевым, определил структуру специальных работ по сибирской проблематике, в которых экономико-социальные и политические аспекты колониционного освоения сибирских земель рассматривались в контексте природной специфики региона.

Рост переселенческого движения стимулировал изучение природно-географического фактора, как оказывающего значительное влияние не только на адаптацию к местным условиям переселенцев из центра страны, но и на производственную деятельность населения региона. Следует отметить работы В.П. Семенова-Тян-Шанского, В.В. Сапожникова (общегеографическое описание колонизируемых районов)³, П.М. Брейтигама, Н.О. Осипова (характеристика климата)⁴, В.В. Докучаева, составившего наиболее совершенную для второй половины XIX в. почвенную карту черноземной полосы⁵. Указанными

¹ Соколов – Костромской П. Записки колонизатора Сибири. СПб., 1903. С.7.

² Ядринцев Н.М. Сибирь как колония: К юбилею трехсотлетия: Современное положение Сибири, ее нужды и потребности, ее прошлое и будущее. 2-е изд. СПб., 1892.

³ Семенов - Тянь – Шанский В.П. О могущественном территориальном владении применительно к России // Мир Гумелева. Рождение нации. М., 1996; Сапожников В.В. Географический очерк Сибири // Сибирь. Ее современное состояние и ее нужды. СПб., 1908.

⁴ Брейтигам П.М. Материалы для климатологии Западной Сибири и Степного края // Записки ЗСОИРГО. Кн. XXVI. Омск, 1899; Осипов Н.О. Некоторые сведения о климатических особенностях Курганского округа // Экономический быт крестьян Курганского округа Тобольской губернии. Томск, 1890.

⁵ Докучаев В.В. Русский чернозем. М., 1952.

авторами были собраны и систематизированы важные сведения о природно - географических особенностях региона, о возможностях ведения здесь земледельческого хозяйства. Однако, в целом до второй половины 1880-х гг. целенаправленных комплексных научных исследований природно–географических условий крестьянского землепользования не проводилось.

Традиционно дореволюционная историография делилась на направления: народническое, либеральное, монархическое и марксистское. Проблемы крестьянского землепользования, которые рассматривались в этот период фрагментарно, практически невозможно втиснуть в ограниченные рамки. Исследователей истории Сибири по некоторым вопросам, сложно отнести к какому-то определенному направлению. Например, И.А. Гурвича, исследователя переселенческого движения, принято относить к марксистскому направлению, но его взгляды на общину и крестьянское землепользование – типично народнические¹.

Крестьянское землепользование неразрывно связано с общиной². Сельская община (термин «община» принадлежит литературе, крестьяне использовали названия «мир», «общество») вызывала горячую и оживлённую полемику с конца 1850-х гг. до начала 1860-х гг., когда подготавливалась крестьянская реформа. Сибирской общине внимание уделяли сосланные представители народнического движения, которые, будучи людьми образованными, безусловно, внесли свой вклад в изучение Сибири и, в том числе, крестьянства. Народники, оказавшись в далеком краю, отходят от революционной деятельности и посвящают себя науке. Большое влияние на развитие региональной народнической концепции оказал известный историк-публицист, писатель и философ А.П. Щапов, который настойчиво ставил вопрос о переоценке места и значения простого народа в истории России³. Заслуживают особого внимания наблюдения С.П. Швецова за формами крестьянского землепользования, который считал, что переход к земельным переделам в общинах не связан с общинными взглядами на мирскую землю, принесенными переселенцами в Сибирь, переселенцы лишь ускоряли наступление земельных переделов, создавая земельное «утеснение»⁴. Большой любовью к Сибири проникнуты работы С.Л. Чудновского. Надо отдать должное объективности С.Л. Чудновского, видевшего социальную неоднородность как старожильческого, так и переселенческого крестьянства⁵. Достаточно взвешенная оценка процессов взаимовлияния переселенческого и

¹ Гурвич И.А. Переселение крестьян в Сибирь. М., 1888. С.75 – 76.

² Белевский А. Сельскохозяйственные основания общинного землевладения и землепользования // Юридический вестник. 1888. №9. С. 161.

³ Щапов А.П. Сочинения: В 3 т. СПб., 1906.

⁴ Швецов С.П. Формы общинного владения на Алтае //Сборник правоведения и общественных знаний. СПб., 1893. Т.2.

⁵ Чудновский С.Л. Алтайская поземельная община //Северный вестник. 1888. №1. С.174-184.

старожилого населения принадлежит П.А. Голубеву заметившему, что старожилы перенимают у переселенцев то, что им выгодно, и они менее консервативны по сравнению с переселенцами¹. Народники противопоставляли общинное землевладение частному, боялись утверждения частной собственности на землю в Сибири, с горечью констатировали слабость «общинного духа»². К материалам, собранным ссыльными народниками по аграрным отношениям в Сибири, необходимо подходить с определенной осторожностью, т.к. они изображали действительность через призму своей идеологии³.

С острой критикой народнического воспевания общины выступали марксисты. В.И. Ленин в своей работе «Развитие капитализма в России» писал об отличии сибирской общины от общины центра страны⁴. Определяя общину, как союз по владению надельной землей, В.И. Ленин подчеркивал, что крестьяне решительно выступали «против старой общины за вольные товарищества и за землепользование отдельных лиц»⁵. По его мнению, необходимо различать общину как административно-фискальное учреждение и общину – как союз крестьян по землепользованию. Марксисты вопросы крестьянского землепользования рассматривали, в основном, через призму социально-классовых отношений⁶.

Для нас особый интерес представляют оценки развития крестьянского землепользования в Сибири известного экономиста – статистика А.А. Кауфмана, автора многочисленных работ по землепользованию крестьян, по полеводству, статистике и аграрным вопросам. В его монографии была сформулирована аграрно-переселенческая концепция⁷. А.А. Кауфман считал, что не социальный кризис крестьянского хозяйства, а аграрно-технический был причиной переселений в Сибирь. Низкий уровень культуры русского крестьянина был причиной отсталости крестьянского хозяйства и стремления к экстенсивным формам земледелия в ущерб интенсификации сельскохозяйственного производства. А.А. Кауфман проследил процесс складывания поземельной общины, переход от захватных форм землепользования к общинно-уравнительным⁸. Наибольший интерес

¹ Голубев П. Очерки сибирской жизни //Северный вестник. 1890. №2. С.66.

² Швецов С.П. Крестьянская община. Схема ее возникновения и развития. СПб., 1906. С.23.

³ Остафьев В.А. Переселенцы в Сибири //Юридический вестник. 1891. Т.VIII. С.431.

⁴ Ленин В.И. Полн.соб.соч. Т.3. С.116.

⁵ Ленин В.И. Полн.соб.соч. Т.16. С.264.

⁶ Ленин В.И. Полн.соб.соч. Т.27. С.180.

⁷ Кауфман А.А. Переселение и колонизация. СПб., 1905.

⁸ Кауфман А.А. Крестьянское землепользование и хозяйство в Тобольской и Томской губернии. СПб., 1894. Он же. Общинные порядки восточных волостей Томского округа и северо-западной половины Мариинского округа. Томск, 1895. Он же. Крестьянская община Сибири (По местным исследованиям 1886-1892 гг.). СПб., 1897. Он же. Документы и живая история русской общины. М., 1904. Он же. К вопросу о происхождении русской земельной общины. М., 1907. Он же. Община. Переселение. Статистика. М., 1915.

представляют выводы об эволюции общины, которые вызвали большой резонанс среди политически ангажированных современников. Собранные им материалы расширили источниковую базу для последующего исследования поземельных функций крестьянской общины Сибири.

В ходе первых лет изучения проблемы, был накоплен значительный фактический материал, и результаты большинства проведенных в Сибири исследований до сих пор не потеряли своего научного значения. Ценны частные выводы и наблюдения исследователей, касающиеся крестьянских представлений о принадлежности земли, о технике переделов, о системе раскладки повинностей и т.д., но, к сожалению, эти работы отражают лишь узкий период времени, в основном 1880-е – 1890-е гг. В целом вопросы крестьянского землепользования специально не рассматривались, а звучали как отголосок общинных отношений.

Советская историография. Естественно, что события, связанные с революцией и гражданской войной, прервали изучение проблемы, но уже в 1920-х гг. процесс был продолжен. В этот период началось утверждение марксистской парадигмы, а все прочие концепции развития общества были отвергнуты. Из аграрной тематики внимание уделялось столыпинской реформе, причем ее итог оценивался однозначно как «крах»¹.

Определенным этапом в разработке проблемы следует считать издание Сибирской Советской Энциклопедии². К подготовке материалов для ее издания были привлечены лучшие научные силы края. Ими была проведена скрупулезная работа по сбору и систематизации материала. Ряд статей, написанных в сжатой, обобщающей форме, дают представление о степени изученности проблемы и трактовке их основных вопросов. Авторы ССЭ раскрывают предысторию земельных отношений и характер политики царской администрации в Сибири. Примечательно, что энциклопедией оценено развитие частного и общинного землевладения. Впервые была дана оценка роли кабинетского землевладения, существование которого наложило серьезный отпечаток на аграрные отношения в регионе. Сделана попытка проследить эволюцию землепользования, переход от вольного захвата земли к уравнильно-душевому пользованию. Содержатся данные о развитии крестьянского землепользования. Отмечено нарастание социальных противоречий между старожилками, переселенцами и коренными народами Сибири.

С определенного рубежа стала сказываться самоцензура историков, запуганных репрессиями. Сколько-нибудь значимых критериев исторических исследований не было выработано. Процесс изучения дореволюционной аграрной истории Сибири был практически

¹Шулейкин И.Д. История земельных отношений и землеустройства. Вып. 1. Сельское хозяйство и земельные отношения до и после реформы 1861 года. М., - Л., 1930. Вып. 2. Столыпинская реформа и землеустройство. М., - Л., 1931.

²Сибирская советская энциклопедия: В 4 т. Новосибирск, 1929 – 1932.

приостановлен, в том числе и из-за отсутствия профессиональных кадров историков.

После Великой Отечественной войны исследования возобновились. К истории поземельных отношений в Сибири первым обратился В.И. Шунков, который достаточно основательно рассмотрел формирование поземельных отношений на начальном этапе освоения региона русскими крестьянами¹. В географической науке шел процесс накопления научного материала, касавшегося истории климата и влияния факторов природно-географического характера на сельскохозяйственное производство. Постепенно отдельные выводы географического знания вовлекались в русло исторических исследований. Вопросы соответствия ландшафтных условий мест выхода и водворения крестьян в Сибири в конце XIX - начале XX вв. достаточно подробно исследованы В.В. Покшишевским².

Новый период в развитии советского общества открыл XX съезд КПСС, что предопределило развертывание фронта исторических исследований. Сложились региональные научные центры изучения сибирской деревни – Томск и Иркутск, происходит расширение тематики, на местах формируются кадры профессиональных историков. В научный оборот вводятся новые материалы, опубликуются новые исследования, касающиеся вопросов землевладения и землепользования в Сибири.

В Томском университете складывается своя школа исторических исследований, которая внесла значительный вклад в изучение аграрных отношений. Истории реформы 1861 года в главном сельскохозяйственном регионе Сибири – Алтае – посвящена монография А.П. Бородавкина, которая по конкретности и корректности изложения, широкому охвату темы может служить справочником по вопросам об условиях реформы в Алтайском округе³. С именем А.П. Бородавкина связано начало одной из научных дискуссий 1950-80-х гг. – о двух путях капиталистической эволюции сельского хозяйства в дореволюционной Сибири: прусском и американском.

Ученые Томского университета выступили инициаторами дискуссии о так называемом государственном феодализме в Сибири, которую поддержал А.П. Бородавкин, так как видел в ней дополнительные доказательства о прусском пути развития. В ходе дискуссии были затронуты и вопросы крестьянского землевладения и землепользования⁴, а также была поднята проблема собственности на землю в Сибири.

¹ Шунков В.И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII – начале XVIII века. М., 1946; Он же. Очерки по истории земледелия Сибири (XVII век). М., 1956.

² Покшишевский В.В. Заселение Сибири (историко-географические очерки). Иркутск, 1951.

³ Бородавкин А.П. Реформа 1861 г. на Алтае. Томск, 1972.

⁴ Бородавкин А.П., Топчий А.Т. Поземельное устройство приписных крестьян // Вопросы истории Сибири. Томск, 1969. Вып. 4. С. 63 – 82.

Исследователи не пришли к единому мнению о характере земельной собственности в Сибири.

Обмен мнениями по вопросам аграрной истории затронул и оценку систем земледелия, формирование которых не в последнюю очередь зависело от качества почв и климатических условий. В литературе тех лет прослеживается недооценка влияния природно-климатического фактора на крестьянское хозяйство¹. Некоторыми учеными сельское хозяйство в Сибири характеризовалось как отсталое и хищническое ввиду преобладания экстенсивных режимов земледелия.

Крестьянское землепользование в Сибири теснейшим образом связано с переселениями из центральных губерний империи, чему в советской историографии уделялось значительное внимание. Так, проблемы крестьянских переселений и адаптации в сибирском регионе были исследованы Е.И. Соловьевой, подчеркнувшей естественное стремление переселенцев к оседанию в тех географических зонах, которые имели условия для хозяйственной деятельности, схожие с местами их прежнего проживания².

В среде томских историков формировались основания тех идей и концепций, которые в последствии воплотились в целый ряд монографий и диссертаций по сибирской аграрной истории³. Исследователи из разных научных центров Сибири, очень различающихся по своей концептуальной направленности, опирались в своей основе на томскую школу исследований (Л.М. Горюшкин, В.Г. Тюкавкин, Г.П. Жидков, В.А. Степынин и др.)⁴.

Со временем сформировался крупнейший центр изучения аграрной истории в Новосибирске. Необходимо отметить особые заслуги Л.М. Горюшкина и его ученых коллег, которые провели значительную работу по изучению сибирской деревни.⁵ Из вышедших монографий, привлекает книга И.А. Асалханова, в которой отражены достоинства и недочеты историографического подхода к вопросам землевладения и землепользования в Сибири⁶.

Крестьянской общине и ее влиянию на жизнь сибирской деревни советской историографией уделялось определенное внимание. В этом плане необходимо отметить вышедший в Новосибирске сборник научных

¹ Тюкавкин В.Г. Сибирская деревня накануне Октября (к вопросу о формировании социально-экономических предпосылок социалистической революции). Иркутск, 1966. С. 18.

² Соловьева Е.И. Переселение крестьян в Сибирь в конце XIX – начале XX вв.// Из истории Западной Сибири. Вып.1. Кемерово, 1966.

³Топчий А.Т. Крестьянские реформы в Сибири (1861 – 1899 гг.). Томск, 1979.

⁴ Горюшкин Л.М., 1976. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900-1917 гг.). Новосибирск, 1976. Тюкавкин В.Г. Сибирская деревня накануне Октября. Жидков Г.П. Кабинетское землевладение (1747 – 1917). Новосибирск, 1975. Степынин В.А. Колонизация Енисейской губернии в эпоху капитализма. Красноярск, 1962.

⁵Горюшкин Л.М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков. Конец XIX – начало XX вв. Новосибирск, 1967. и др.

⁶Асалханов И.А. Сельское хозяйство Сибири конца XIX – начала XX вв. Новосибирск, 1975.

статей, в котором рассмотрены проблемы общинных отношений в Сибири¹. При этом из поля зрения историков выпали поземельные функции сибирской общины, продолжающие оставаться одной из малоизученных историками проблем.

Исследователи дифференцировали свою тематику, аграрная политика самодержавия в пореформенный период оценена в работе В.Н. Худякова². Вопросы развития поземельных отношений стали рассматривать применительно к определенным территориям. Исключительное внимание уделялось аграрным отношениям в Алтайском горном округе. В диссертациях и монографиях по аграрной тематике вопросы земельных отношений рассматривались только в контексте исследуемых проблем. Единственной работой, посвященной вопросам землевладения, была монография Г.П. Жидкова³. Следует отметить, что у него был свой особый взгляд на сущность кабинетского землевладения.

Закономерным итогом развития проблематики стал выход таких крупных фундаментальных многотомных работ, как «История Сибири» и «История крестьянства Сибири»⁴. В них были рассмотрены вопросы землевладения и землепользования, а также вопросы переселения. Было отмечено, что правительство в 60 – 80-х гг. XIX в. «в интересах помещиков сдерживало переселение различными запретительными мерами»⁵, а также то, что с 1889 г., после разрешения переселения, основная категория переселенцев относилась к середнякам. В результате выяснилось, что система государственного управления земельными ресурсами в Сибири породила специфические формы зависимости, владения и пользования землей. Наличие свободного фонда земель и пестрого состава переселенцев существенно влияло на систему поземельных отношений в Сибири, а отсутствие помещичьего землевладения стало характерной чертой края. Однако, в этих итоговых академических трудах вопросы крестьянского землепользования как самостоятельная проблема, не рассматривалась, поэтому проблема не получила своего разрешения.

В отечественной исторической науке под влиянием идеологии на этом этапе утвердилась негативная оценка всей деятельности царского правительства. Однако, несмотря на насаждение идеологического единomyслия, проходили дискуссии, перерастающие порой в ожесточенные споры. Был введен в научный оборот огромный комплекс архивных источников, появились фундаментальные труды по истории крестьянства Сибири, защищены кандидатские и докторские диссертации, в которых затрагивались вопросы землевладения и крестьянского

¹ Крестьянская община Сибири XVII – начала XX вв. Новосибирск, 1977.

² Худяков В.Н. Аграрная политика царизма в Сибири в пореформенный период. Томск, 1986.

³ Жидков Г.П. Указ.соч.

⁴ История крестьянства Сибири. Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск, 1983.

⁵ История Сибири с древнейших времен до наших дней: В 5 т. Л., 1968. Т. 3. С. 22.

землепользования. Были подведены итоги русской земледельческой колонизации, прослежена эволюция взаимоотношений в области земельных отношений между правительством и коренными народами Сибири. Вместе с тем, проблемы крестьянского землепользования не получили достаточного освещения.

Историография современного периода. С конца 80-х гг. складывается новая историографическая ситуация, характеризующаяся плюрализмом мнений. На этом этапе разработки проблемы тон задавала публицистика, в литературе и печати появилось много выступлений, идеализирующих аграрную политику царизма и жизнь дореволюционного сибирского крестьянства. Стали распространяться несоответствующие исторической действительности утверждения о преимуществах частной собственности на землю в Сибири (тогда как ее по закону не было), о многоземелье крестьян, преувеличений в эффективности аграрных преобразований, проводимых правительством.

Изучению проблемы аграрных отношений во многом способствовало расширение контактов с западными историками. Открылось новое направление изучения аграрной тематики – крестьяноведение, лидером которого является Т. Шанин (Манчестерский университет)¹. Однако, как часто случалось в нашей истории, идеи, высказанные в России, оставались не востребованными и вновь возвращались на Родину, но уже из-за рубежа. Крестьяноведение, как самостоятельное направление экономико-социологических исследований, оформилось благодаря открытию на Западе работ разгромленной в СССР «неонароднической» школы А.В. Чаянова. Интенсивные крестьяноведческие изыскания, осуществлявшиеся в 1990-х гг., с ориентацией на текущую политическую ситуацию, можно охарактеризовать как неудачный опыт использования экономических моделей организации аграрного производства досоветского времени современному сельскому хозяйству. Однако эти изыскания имели важные позитивные последствия для дальнейшего проведения исторических исследований в русле крестьянской проблематики и аграрной истории.

Постепенно накал политических баталий снизился. Отрадно отметить, что расширились географические рамки изучения проблемы, если раньше в Кузбассе изучалась преимущественно индустриальная тематика, то в последние годы усилено внимание к проблемам аграрной истории. Появились коллективные труды – «Земля Кузнецкая – история Сибири»² и диссертационные исследования по широкому кругу проблем аграрной истории Сибири³. В центре внимания исследователей

¹ Великий незнакомец: Крестьяне и фермеры в современном мире: Хрестоматия / Сост. Т. Шанин. М., 1992.

² Седых Г., Сергиенко В., Тивяков С. Земля Кузнецкая – история Сибири. Кемерово, 1997.

³ Усков И.Ю. Формирование крестьянского населения Среднего Притомья в XVII – первой половине XIX вв.: Дис. ... канд. ист. наук / Кемеровский гос. ун-т. Кемерово, 2000. Белянин Д.Н. Столыпинская

продолжало оставаться крестьянское хозяйство, которое неразрывно связано с поземельными отношениями.

Из работ по аграрной истории Сибири следует отметить монографию Н.А. Балюк, в которой раскрывается процесс развития крестьянского хозяйства на огромном временном интервале с конца XVI в. до начала XX в.¹. В работе дана характеристика формам землевладения и землепользования в сибирской деревне. Однако автор совершенно упустила из вида особенности земледелия в Сибири, поддерживая, таким образом, устоявшиеся мнения предшествующего периода, которые характеризовались недооценкой природно-географического фактора и его влияния на аграрное освоение региона. Следует отметить, что некоторые исследователи, как Б.Н. Миронов, вообще не признают влияние природных условий на освоение новых территорий, считая, что климат здесь ни при чем, а все решает энергия человека². С чем мы, естественно, не можем полностью согласиться.

Не все ученые разделяют этот взгляд Б.Н. Миронова и его сторонников. В своей монографии Л.В. Милов³ вновь возвращает в современную историографию проблему влияния природно-географического фактора поставленную еще С.М. Соловьевым и В.О. Ключевским. Развернувшаяся полемика между Л.В. Миловым и Б.Н. Мироновым, а также их сторонниками и противниками, демонстрирует различный подход к роли естественно – географического фактора и его влияния на крестьянское землепользование. Современные историографы работают в этом направлении, но данные исследования нельзя считать полными⁴. Интересную работу, в которой исследуются климатические и географические условия земледельческой полосы Западной Сибири и влияние этих условий на процесс адаптации крестьян-переселенцев центрально-черноземных губерний России в Западной Сибири, представил М.К. Чуркин. Мы согласны с его выводом, что климатические условия Сибири вообще и на земледельческих ее территориях в частности, отличались от аналогичных условий

переселенческая политика в Томской губернии (1906 – 1914 гг.): Дис. ... канд. ист. наук / Кемеровский гос. ун-т. Кемерово, 2003. Карпинец А.Ю. Финансирование колонизационного процесса в Томской губернии в 1896 – 1916 гг. Дис. .. канд. ист. наук / Кемеровский гос. ун-т. Кемерово, 2003. Дорофеев М.В. Поземельные отношения на юге Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. (По материалам Томской губернии). Дис. .. канд. ист. наук / Кемеровский гос. ун-т. Кемерово, 2005. Транквилицкая И.В. Развитие системы земледелия в Томской губернии в конце XIX – начале XX вв. Дис. ... канд. ист. наук / Кемеровский гос. ун-т. Кемерово, 2006.

¹ Балюк Н.А. Крестьянское хозяйство Зауралья в конце XVI – начале XX вв. Тюмень, 2003.

² Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX вв.). 2-е изд. СПб., 2000. Т.1. С.56.

³ Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998. С.554-555.

⁴ Чуркин К.А. Природа и крестьянство Сибири (вторая половина XIX – начало XX веков). Омск, 1995; Суходолов А.П. Сибирь в начале XX века: Территория и границы, города, транспортные магистрали, сельское хозяйство. Иркутск, 1996.

Европейской России, а в сочетании с географической отдаленностью колонизируемых районов от метрополии это напрямую сказывалось на адаптационных процессах и требовало от переселенцев кардинальной перестройки хозяйств сообразно местным условиям¹.

Еще одна спорная тема о владельческой принадлежности кабинетских земель, которой в советской историографии уделялось значительное внимание, продолжает привлекать историков. Отсутствие ясного юридического определения собственности на Колывано-Воскресенский горный округ породило у исследователей разногласия в оценке проблемы, сохраняющиеся до настоящего времени. Так, в «Очерках истории кабинетского хозяйства на Алтае»² Т.Н. Соболевой и В.Н. Разгоном сделана попытка, оценить природу владельческой принадлежности горнозаводского хозяйства на Алтае с точки зрения вотчинной концепции русской государственности. Т.Н. Соболева совершенно справедливо полагает, что сохранение разногласий в определении собственника кабинетского хозяйства затрудняет реконструкцию его исторического прошлого³. Другой исследователь Ю.С. Булыгин считал весь горнозаводской комплекс на Алтае частной собственностью российского императора независимо от того, как бы ее не называли. Он первым отметил неточность термина «кабинетское землевладение», так как Кабинет лишь управлял, но не владел хозяйством, возникшем на Алтае в 1747 г.⁴ Причём управлял неэффективно, ревизиями было отмечено «плачевное состояние всего хозяйства Алтайского округа»⁵. Новое звучание проблема владельческой принадлежности кабинетских земель получила в монографии А.Н. Жеравиной⁶.

В исследовании не ставилось отдельной задачи по изучению крестьянского землепользования на кабинетских землях. Отечественные историки уже изучили многие аспекты проблемы. Например, исследованию поземельных функций крестьянской общины в Алтайском округе посвящен ряд работ И.А. Якимовой⁷, поэтому внимание уделяется отдельным нерешенным вопросам.

¹ Чуркин М.К. Переселение крестьян черноземного центра Европейской России в Западную Сибирь во второй половине XIX - начале XX вв.: детерминирующие факторы миграционной мобильности и адаптации: Монография. Омск, 2006. С. 313.

² Соболева Т.Н., Разгон В.Н. Очерки истории кабинетского хозяйства на Алтае (вторая половина XVIII – первая половина XIX вв.). Управление и обслуживание. Барнаул, 1997.

³ Соболева Т.Н. Управление приписными крестьянами Алтайского округа в 20 – 50-е гг. XIX в. // Хозяйственное освоение Сибири. История, историография, источники. Томск, 1999. Вып. 1. С. 6.

⁴ Булыгин Ю.С. Приписная деревня Алтая в XVIII в.: В 2-х ч. Барнаул, 1997. Ч. 1. С. 23 – 31.

⁵ Афанасьев П. А. Ревизии как форма государственного и ведомственного контроля в XIX – начале XXв. (По материалам Кабинетского округа Западной Сибири). Автореф. дисс. канд. ист. наук. Барнаул, 2008. С. 18.

⁶ Жеравина А.Н. Кабинетское хозяйство в Сибири [1747 – 1861 гг.]. Томск, 2005.

⁷ Якимова И.А. Эволюция земельно-распорядительных функций крестьянской общины во второй половине XIX в. (По материалам Алтайского горного округа) //XX век: Исторический опыт аграрного освоения Сибири. Красноярск, 1993 и др.

Вопросы крестьянского хозяйства Алтайской приписной деревни рассмотрены в коллективной монографии ученых Томского университета. В ней отмечается произошедшая в первой половине XIX в. трансформация крестьянского хозяйства, его реорганизация от абсолютного потребительского хозяйства к специализированным типам, имевшим территориальную выраженность¹. Отрадно, что в Томском университете не прерываются исследования аграрной истории Сибири. Необходимо отметить работу П.Ф. Никулина, в которой предпринята попытка, оценить социально-экономическую природу крестьянского хозяйства Западной Сибири с использованием современной математико-статистической методики на основе социокультурного подхода².

Несмотря на то, что за последние два десятилетия в изучении крестьянства в Сибири произошли позитивные сдвиги, связанные с расширением проблематики исследований, в историографическом осмыслении избранная тема только начинает разворачиваться, имеющиеся статьи не охватывают весь комплекс вопросов. Публикации, касающиеся вопросов крестьянского землепользования далеко не равнозначны по содержанию, характеру обработки материала, освещению различных сторон проблемы. На основании имеющейся литературы трудно составить, сколько-нибудь полную, а главное достоверную, картину процессов, происходивших в крестьянском землепользовании. Отмечая определенные достижения в разработке исследователями темы, заметим, что рассмотрение ряда принципиальных вопросов не отражает реального исторического процесса. Анализ исторической литературы показывает, насколько сложной и противоречивой является проблема крестьянского землепользования в Западной Сибири. Интересы исследователей аграрной истории Сибири были направлены на изучение крестьянского хозяйства, этому посвящались монографии и диссертации, а крестьянское землепользование, являющееся основой крестьянского хозяйства, остается малоизученным.

Проведенный историографический обзор позволяет констатировать следующее:

- Интерес исследователей в основном был направлен на изучение крестьянского хозяйства, переселенческой и аграрной политики государства. Вопросы крестьянского землепользования во второй половине XIX в. рассматривались исторической наукой только в контексте других проблем сельскохозяйственного развития Западной Сибири. Значению природно-географического фактора уделялось недостаточно внимания, и он связывался в основном с урожайностью. Социокультурный

¹ Гайдашова В.А., Жеравина А.Н., Никулин П.Ф., Толстов С.И., Усольцева О.В. Интеграция приписной деревни и горно-заводского производства на кабинетских землях в Сибири. Томск, 2006. С.194.

² Никулин П.Ф. Экономический строй крестьянского хозяйства Западной Сибири начала XX века. Томск, 2009.

аспект крестьянского землепользования, включающий проблемы традиционного права, вопросы трудовой этики, был малоизучен, внимание в основном уделялось изучению крестьянской общины. Вопросы переселения в Сибири изучались, но при этом проблема качества отводимых крестьянам-переселенцам земельных наделов в основном выпадала из поля зрения исследователей. Поземельные конфликты рассматривались, но не было проведено исчерпывающего анализа причин их возникновения.

- Многосторонний анализ историографического поля исследований крестьянского землепользования продемонстрировал, что при общей изученности аграрных отношений в Западной Сибири во второй половине XIX в. в исторических работах, до сих пор не предпринималось попытки комплексного изучения проблемы, что позволило бы с большей точностью определить причины и объяснить последствия дальнейшей модернизации аграрного строя Сибири.

Объектом исследования являются процессы, происходившие в крестьянском землепользовании на территории Западной Сибири.

Предметом исследования является крестьянское землепользование в Западной Сибири во второй половине XIX в.

Целью исследования является реконструкция форм и условий развития крестьянского землепользования в регионе во второй половине XIX в.

Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи:

1. Определить степень и значимость природно-географического фактора, повлиявшего на развитие крестьянского землепользования.
2. Уточнить роль крестьянской поземельной общины в процессе генезиса форм крестьянского землепользования.
3. Установить степень влияния обычного права на крестьянское землепользование.
4. Выявить взаимосвязи переселенческого процесса с изменениями в крестьянском землепользовании.
5. Оценить политику правительства при проведении землеотводных работ, ограничивающих крестьянское землепользование.
6. Охарактеризовать земельно-арендные отношения крестьянской общины и государства.
7. Установить причины, которые оказали непосредственное воздействие на рост поземельных конфликтов.
8. Определить роль и место крестьянского землепользования в аграрном освоении Сибири.

В качестве **гипотезы** исследования нами выдвинуто предположение, что развитие крестьянского землепользования в Западной Сибири в рассматриваемый период определялось совокупным влиянием природно-географического, политико-экономического и социально-

психологического факторов. При этом степень влияния того или иного фактора на крестьянское землепользование зависело от конкретных условий и этапов развития поземельных отношений в регионе. Крестьянское землепользование являлось частью аграрного строя и представляло собой сложную систему взаимоотношений.

Хронологические рамки исследования охватывают вторую половину XIX в. Нижняя граница исследования определяется 1860-е гг., верхней границей исследования принят рубеж XIX - XX вв.

Территориальные рамки исследования охватывают Западную Сибирь в границах Тобольской и Томской губерний.

Методологическая основа диссертации. Выявление основополагающих факторов влиявших на крестьянское землепользование в колонизируемом регионе, поставило автора перед необходимостью привлечения к исследованию фундаментальных идей и теоретических положений, почерпнутых в специальной литературе общетеоретического содержания. Крестьянское землепользование в Западной Сибири теснейшим образом связано с колонизацией региона, поэтому нами были использованы базовые положения теории колонизации, разработанные и внедренные в сферу исторических исследований во второй половине XIX - начале XX вв. С.М. Соловьевым, В.О. Ключевским, М.К. Любавским, П.Н. Милюковым¹.

Определение колонизации в качестве главного фактора российского исторического процесса в работах указанных авторов соотносится с утверждением о решающей роли природно-географического фактора (климата, почвенных условий и т.д.), в обеспечении пригодными к земледелию участками русских переселенцев. Обобщение данного материала с использованием теоретических выводов ученых-классиков географической науки – А.И. Воейкова, В.В. Докучаева², а также современных историко-географических исследований В.В. Покшишевского и А.В. Дулова³ позволило предположить, что природно-географические условия Западной Сибири давали возможность использовать для земледелия узкую в широтном измерении полосу, внутри которой только небольшой процент земель был пригоден для выращивания хлебов – основного продукта русского земледельца.

К исследованию также были привлечены отдельные положения теории фронта, как сферы аграрной колонизации, широко распространенной в англоязычной литературе и интенсивно обсуждаемой

¹ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1988; Ключевский В.О. Курс лекций по русской истории. М., 1987; Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. М., 1996; Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. В 3 т. М., 1993.

² Воейков А.И. Распределение населения Земли в зависимости от природных условий и деятельности человека. СПб., 1911; Докучаев В.В. Указ. соч.

³ Покшишевский В.В. Указ. соч.; Дулов А.В. Географическая среда и история Сибири (конец XV – середина XIX вв.). М., 1983.

в отечественных исследованиях. Рассмотрение колониционных процессов, в сочетании с географическим и геополитическим факторами, представленных в работах А.Д. Агеева, В.А. Ламина, Д.Я. Резуна, Т.С. Мамсик, М.В. Шиловского¹, позволило определить сходство и различия в колониционных процессах в хронологических границах исследуемого периода. Это привело нас к выводу, что зона фронта, зона неустойчивого равновесия, зачастую была неподконтрольна влиянию правительственных учреждений. Крестьянское землепользование развивалось в большей степени как самостоятельная система.

Современный взгляд на методологию исследования предполагает использование достаточно широкого набора методов: это общенаучные принципы познания – объективности, историзма и системности, которые позволяют рассмотреть весь комплекс проблем, связанных с развитием крестьянского землепользования в Западной Сибири во второй половине XIX в. В общенаучной методологии применены методы теоретического исследования: формализация, идеализация, мысленный эксперимент, системный подход и системный анализ, метод восхождения от абстрактного к конкретному, исторический и логический. В процессе решения основных задач, поставленных автором, в работе использовались традиционные методы исторического познания. Научно-историческая методология в данном исследовании основана на комплексе взаимосвязанных методов: философско-логических, общенаучных и специально-научных. Центральное место в методологии настоящего исследования занимает историко-системный метод. Использование данного метода позволило определить внутреннюю природу крестьянского землепользования. Для того, чтобы проследить процессы эволюции поземельных отношений, понять их логику, были использованы ретроспективный и проблемно-хронологический методы.

Для выявления общего и особенного применялись специальные методы: историко-сравнительный, историко-типологический, описательный, документально-иллюстративный. Заявленная проблематика потребовала повсеместное использование в работе документально – иллюстративного метода. Применение данной методики предполагает привлечение в научно-исследовательский контекст большого числа документальных свидетельств, исходящих не только от правительственной администрации, но и непосредственно от крестьянства, что является доказательной базой в вопросах поземельных отношений.

¹ Агеев А. Д. Сибирь и американский Запад: движение фронтиров. М., 2005; Ламин В.А., Резун Д.Я. Метаморфозы фронтира в истории Сибири, Северной Америки и Австралии //Региональные процессы в Сибири в контексте российской и мировой истории. Новосибирск, 1998; Мамсик Т.С. Община на фронтире: Сибирь и Северная Америка XVIII – XIX вв.//Американские исследования в Сибири. Американский и Сибирский фронт. Томск, 1997. Вып.2; Шиловский М.В. Фронт и переселение (Сибирский опыт) //Фронт в истории Сибири и Северной Америке в XVII – XX вв.: общее и особенное. Новосибирск, 2003. Вып.3.

Полноценности исследования способствовало применение в работе метода статистического анализа, необходимого для определения количественных показателей: размера землепользования, соотношения пашни к общей площади угодий, зависимости размера обрабатываемых земель от количества рабочих рук в крестьянской семье.

Поскольку проблема поземельных отношений является полидисциплинарной, нами использован междисциплинарный подход, так как изучение аграрных отношений и экономики сельского хозяйства невозможно без привлечения статистических, правовых, экономических, демографических и географических знаний. Междисциплинарный подход создает возможность исторического синтеза достижений, концепций, моделей, категорий и понятий других социальных наук о прошлом в фокусе человеческой индивидуальности и формирует предпосылки к воссозданию человека как члена общества, как субъекта истории. Духовная и материальная культура составляет единство содержания и источника социального развития. Сложность человеческого бытия, многомерность исторического развития, требуют при проведении научных исследований, применения сложного инструментария, признания методологического плюрализма.

Настоящая диссертация базируется на социокультурном подходе. Его сущность в понимании единства социальности и культуры, которое формируется в процессе человеческой деятельности. Крестьянский мир был саморегулирующейся социокультурной системой, а крестьянское землепользование являлось составной частью его экономической структуры. Под системой понимается комплекс элементов, находящихся во взаимодействии, когда первичными элементами информации являются не отдельные факты, а связи между ними. Крестьянское землепользование в социально-культурном плане выступало как экономическая форма традиционной крестьянской культуры, а крестьянское хозяйство являлось самостоятельным социально-хозяйственным объектом.

Источниковая база исследования. Круг источников исследования достаточно широк и разнообразен. Один из основных комплексов источников представляют законодательные акты, опубликованные в Полных Собраниях Законов Российской Империи и в Своде законов Российской Империи. Они определяли политику правительства в области земельных отношений. В качестве дополнения автором использовались отдельно выходившие сборники законов и распоряжений.

Основная группа источников – это делопроизводственные материалы, которые подразделяются на два массива: первый – источники, исходящие непосредственно из крестьянской среды – делопроизводство сельских и волостных обществ. Второй – делопроизводственные материалы различных правительственных и кабинетских органов, чиновников, комитетов и комиссий.

Первый массив источников, авторами которых являлись сами крестьяне – это приговоры сельских сходов. Решения сельских сходов по своей тематике весьма разнообразны, как широки и разнообразны были функции сельской общины. Приговоры сельских сходов помимо прочих вопросов, касались главной функции общины – поземельно-распорядительной. В них достаточно обстоятельно рассматривались вопросы землепользования в западносибирской деревне, в том числе наделение земель, расчистки участков под пашню и др. При этом следует иметь ввиду то, что повседневная поземельная практика далеко не всегда осуществлялась на основе официальных установлений. Часто решение сходов выражались в прошениях и жалобах крестьянских обществ в различные административные инстанции. В основном это жалобы крестьян на действия чиновников при производстве землеотводных работ, на сельские общества, взимавшие подати за используемые наделы, неприписку к обществу, а также прошения губернаторам и заявления в волостные суды о возврате захваченной земли. Наиболее многочисленную группу составляют прошения крестьян: об оставлении в их пользовании земли, которую в ходе поземельно-устроительных работ отрезали в пользу Казны или Кабинета, об отказе принять неудовлетворяющие их земельные наделы, о предоставлении им в постоянное пользование арендуемые или самовольно занятые казенные земли, об увеличении наделов до 15-десятиной нормы и оставлении у них земли сверх этой нормы. Значительную долю занимают жалобы переселенцев, особенно непричисленных, на притеснения со стороны старожилов.

Документы, исходящие от крестьян – явление сложное и подчас противоречивое, жалобы крестьян выражали не только недовольство каким-либо действием или бездействием чиновников, но также и их веру в поддержку властей. Источники, вышедшие непосредственно из крестьянской среды, отличаются высокой степенью достоверности, несут массовую информацию о поземельных отношениях. Однако при анализе этого комплекса источников необходимо учитывать двойственность психологии крестьянина-труженика и крестьянина – мелкого собственника, его иллюзию по отношению к властям, а также утопический характер идеалов крестьянской уравнительности. Но, несмотря на противоречия, именно делопроизводственные источники, исходящие из среды самих крестьян, являются базой для реконструкции крестьянского менталитета.

Второй массив – это делопроизводственные материалы, исходившие от различных правительственных органов, учреждений, а также чиновников из местной губернской и кабинетской администрации. Делопроизводственные источники бюрократического характера уступают в достоверности массовым источникам, вышедшим непосредственно из крестьянской среды, что обуславливает при их анализе учет сословных,

ведомственных и других интересов авторов. Однако, эти источники позволяют проанализировать официальные взгляды сибирской и кабинетской администрации на крестьянское землепользование в регионе.

Уникальным массовым источником являются отчеты губернаторов. Их преимуществом была регулярная публикация и отображенная в них взаимосвязь между демографическими, социально-экономическими и культурными процессами. В отчетах отражались сведения о крестьянском хозяйстве и в том числе, о размере крестьянского землепользования, а также основные взгляды сибирской администрации на развитие сельского хозяйства. Определенную информацию по крестьянскому землепользованию можно извлечь из «Обзоров» сибирских губерний, издававшихся в качестве приложений к отчетам губернаторов. В них содержались сведения текущей статистики, которая учитывала сельское население, площади посевов, сборы хлебов и количество скота, но сопоставить данные за различные годы невозможно, так как они составлялись не по единой программе.

Сведения по крестьянскому землепользованию, можно извлечь из делопроизводственных источников, из которых важнейшими являются документы органов губернского земельного управления, переселенческих управлений, канцелярий чиновников по крестьянским делам, в них фиксировалась повседневная жизнь сибирского села, в том числе вопросы поземельных отношений. В отчетах чиновников различного уровня затрагивались в основном вопросы, связанные с главными направлениями аграрной политики государства: землеотводными работами, обеспечением наделами переселенцев из Европейской России, землеустройством и проведением податной реформы. Эти документы дают представление о том, как преломлялась государственная политика в области землевладения и землепользования конкретно в Западной Сибири. Особую ценность представляют статистические материалы, позволяющие дать достоверную оценку процессам, происходившим в западносибирской деревне, так как для сбора первичного материала привлекались добровольные корреспонденты, представители агрономических служб губернии, чиновники особых поручений. Сведения публиковались в серии «Статистика Российской империи». Первоначально публиковались данные по Европейской России, а по губерниям Тобольской и Томской публикации начались только с 1893 г.

В связи с упадком горнозаводской промышленности, задача выяснения реальных размеров крестьянского землепользования в Алтайском округе стала насущной проблемой для кабинетской администрации в пореформенное время. Поэтому были начаты в 1882 г. экспедиционные обследования Н.А. Ваганова. Перед комиссией стояла определенная задача – собрать на месте сведения, необходимые для землеустройства населения Алтая и переселенцев из России. При

сплошном обследовании 55 из 57 крестьянских волостей Алтайского округа, кроме прочих сведений, выяснялось количество земли в пользовании крестьян, границы между селениями, размеры посевов, способы пользования землей. Обследование крестьянских волостей Алтая было практически не только сплошным, но и всесторонним, что, ни до, ни после деятельности Н.А.Ваганова не предпринималось.

После комиссии Ваганова, по заданию Западно-Сибирского Отдела Императорского Русского Географического общества, в 1884 – 1885 г. С.Л. Чудновским были проведены подворные обследования и собраны основные статистические данные по численности и хозяйственному положению переселенцев в Алтайском округе. Обследование было проведено выборочно и, несмотря на то, что территориальный охват данного исследования был значительно меньше, он позволил более обстоятельно акцентировать внимание на переселенческих процессах. Вольное экономическое общество при участии Русского географического общества в 1877-1880 гг., проводило обследование поземельной общины в России по специально разработанной программе. Интерес представляют исследования, проведенные Обществом любителей исследования Алтая. В его архиве сохранились подробные описания более чем 30-ти селений алтайских крестьян, обследованных сотрудниками общества в 1890-е гг. Материалы описания, собиравшиеся непосредственно в крестьянских селениях, содержат подробную информацию о формах землепользования и раскладке повинностей.

В своеобразную группу источников входит рукописное наследие исследователя крестьянской общины в Сибири ссыльного народника С.П. Швецова, посвятившего этому делу около 17-ти лет (1888-1905 гг.). Более масштабным было исследование хозяйственного положения переселенцев, водворенных в Томскую губернию в период с 1880 по 1894 гг., которое по заданию Томского губернатора провел А.А. Кауфман. В период с конца 1870-х гг. до 1893 г. обследовались переселенческие поселки Тобольской губернии. Главное внимание было уделено становлению и развитию хозяйства переселенцев на новом месте, приведены сведения о хозяйственном опыте новоселов.

Значительный интерес представляют статистические сведения по волостям Алтайского горного округа, которые представлялись волостными старшинами в Томский губернский статистический комитет ежегодно в конце 1880-90-х гг. Волостные старшины, собрав сведения от сельских старост, давали ответы на следующие вопросы: какая земля переделывается между общественниками и на какие сроки, как распределяют сенокос, пашню, лес. Как распределяются платежи, существуют ли общественные работы с целью улучшения полеводства, какое количество земли, самое большое и самое маленькое, приходится на один двор или семью, есть ли дворы безлошадные и кому они принадлежат. Важность источника

заключается в достаточно высокой степени его достоверности, массовом и унифицированном характере информации, которую возможно подвергнуть сравнительному и статистическому анализу и проследить эволюцию податных и поземельных функций общины за определенный период, как в рамках отдельных общин, так и волостей и округов в целом. Алтайский округ, обладающий значительным фондом пригодных для земледелия угодий, продолжал оставаться в центре статистических исследований. В 1895-97 гг., было проведено описание селений Барнаульской волости.

Массовая информация о формах и размерах общинного землевладения и землепользования содержится в материалах по населенности Алтайского округа, собранного в 1895г. комиссией под руководством действительного статского советника, заведующего земельно-заводским отделом Кабинета Стевена. Значительное внимание бытовавшим на Алтае формам поземельной общины и их влиянию на кабинетское земельно-арендное хозяйство уделено в записках помощника начальника округа по земельной части Е. Нездвецкого «О земельном хозяйстве в Алтайском округе» и чиновника особых поручений переселенческого управления Н.Я. Овчинникова «Земельный вопрос в Алтайском округе». Ведомственная статистика изучала аграрные вопросы, с целью решения практических задач, связанных с землеотводными работами и организацией и проведением крестьянских переселений.

Для планомерного исследования землепользования и хозяйственного быта крестьян, в связи с подготовкой землеустройства сибирского населения, Министерством государственных имуществ в 1886 г. были командированы в Западную Сибирь профессиональные статистики: А.А. Кауфман, С.К. Патканов, П.И. Соколов, В.Н. Горемыкин, В.Я. Завадовский, Н.И. Осипов, Е.С. Филимонов, С.П. Кафка. Ими были обследованы в Тобольской губернии ряд волостей в Ишимском, Тюменском, Тюкалинском, Тарском, Курганском, Туринском, Тобольском округах, а в Томской губернии исследованы волости только в двух округах – Томском и Мариинском. По результатам их работы в период с 1888 по 1898 гг. были выпущены «Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири», всего 22 выпуска. Министерством государственных имуществ был издан обобщающий труд «Крестьянское землепользование и хозяйство в Тобольской и Томской губерниях». В работе дано подробное описание территории Западной Сибири, состав населения, основания крестьянского землепользования.

Определенный интерес вызывают отчеты о поездках в Сибирь во второй половине 1890-х гг. представителей высшей бюрократии императорской России – А.С. Ермолова, И.И. Тихеева, А.Н. Куломзина, А.В. Кривошеина, имевших свои устоявшиеся взгляды на существовавшие

проблемы. Результаты этих поездок оказали существенное влияние на выработку правительственной политики.

Делопроизводственные источники, директивные документы правительства и оперативная документация местной администрации хорошо отложились в архивных фондах. Использование архивных материалов имеет свою специфику. Основной массив документов извлечен из Российского государственного исторического архива (РГИА). Крестьянское землепользование во второй половине XIX в. теснейшим образом было связано с переселением. Фонд переселенческого управления министерства земледелия (Ф. 391) содержит документы (отчеты, доклады и т.д.), которые дают сведения о создании колонизационного фонда, об отношениях новоселов со старожилами, казаками и коренными народами, о положении самовольных и неприписанных переселенцев, их выселения и переводе на принудительную аренду. Материал об особенностях крестьянского землепользования на кабинетских землях сосредоточен в фонде Кабинета Его Императорского Величества (Ф. 468). Фонд Комитета Сибирской железной дороги (Ф. 1273), представляет широкий круг источников о различных сторонах освоения Сибири. В докладах, в отчетах, журналах заседаний и справках о деятельности Комитета представлены данные об отводе переселенческих участков, об отрезках земель из землепользования старожилого населения и т.п. В фондах канцелярии министра земледелия (Ф. 381) и департамента государственных земельных имуществ министерства земледелия (Ф. 396) имеются обобщенные итоговые данные о сельском хозяйстве Сибири, ее земледельческом освоении, которые собраны в регулярных отчетах, докладах и обзорах Министерства земледелия. Сведения, по интересующей нас теме можно найти и в других фондах. Например, документы «Об образовании в Сибири особых межевых партий для заготовления переселенческих участков в районе Сибирской железной дороги» находятся в Ф. 560 (общая канцелярия Министерства финансов), а сведения «Об устройстве самовольных переселенцев в губерниях Западной Сибири» имеются в Ф.1284 (Департамент общих дел МВД).

По обычному праву привлечены материалы Архива Русского географического общества (АРГО), представляющие для нас исключительную важность. Они были собраны российскими исследователями во второй половине XIX в. Кроме этого для проведенного исследования использовались документы, находящиеся в фондах Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ).

Из местных архивов наиболее информативным является архив Томской области (ГАТО), где интересующие нас данные можно извлечь из фонда Томского переселенческого района (Ф.239). Самая разнообразная информация о земельных отношениях содержится в фонде Томского губернского управления (Ф.3). Материалы о землеотводных работах,

поземельных конфликтах содержатся в фонде Чертежной Томского губернского управления за 1803 – 1917 гг. (Ф.144), а также в фонде Томского поземельно-устроительного отряда за 1811 – 1915 гг. (Ф.504). В 1893 г. для заведывания государственными имуществами, землями, лесами, государственными крестьянами было учреждено Томское губернское управление государственных имуществ Министерства земледелия и государственных имуществ. Материалы этого фонда (Ф.240) весьма ценны.

Для раскрытия вопросов крестьянского землепользования на Алтае, районе наиболее благоприятном по природно-климатическим условиям для земледелия использованы материалы Центра хранения архивного фонда Алтайского края (ЦХАФ АК): Главное управление Алтайского горного округа Кабинета Е.И.В. (Ф.3. 1862 - 1896) и Главное управление Алтайского округа (Ф.4. 1896 – 1918). Государственный архив г. Тобольска (ГУТО ГАТ) располагает материалами о межевании земель и землеустроительных работах конца XIX в. В Государственном архиве Новосибирской области (ГАНО) и Государственном архиве Кемеровской области (ГАКО), содержатся материалы, касающиеся крестьянского землепользования, но в основном это документы о проведении землеустроительных работ во время столыпинской реформы. В своей совокупности архивные и опубликованные источники позволяют решить основные задачи исследования – показать многогранный мир отношений существовавших, в крестьянском землепользовании.

Универсальным источником является периодическая печать, в которой публиковались как официальные документы, так и корреспонденции с мест. Естественно, что у журналистов были определенные предпочтения и свои взгляды на происходящие процессы, но опубликованные материалы дают представление о характере общественной жизни в Западной Сибири. Из сибирских изданий наиболее информативной была газета «Восточное обозрение», в которой печатались не только сообщения со всего обширного пространства Азиатской России, но и аналитические статьи.

Научная новизна. В представляемой диссертации впервые в сибирской историографии сделана попытка, рассмотреть развитие крестьянского землепользования в регионе на основании комплексного подхода. Осуществлено структурно-функциональное исследование поземельных отношений в сибирской деревне во второй половине XIX в. На базе вновь введенного в научный оборот широкого комплекса архивных документов, а также применяя конкретно-проблемный метод социокультурного анализа, представлено внутреннее развитие крестьянского землепользования, основанного на нормах обычного права.

Благодаря избранной методологии удалось впервые определить ограниченность земельного фонда для земледельческой колонизации в

зависимости от влияния на это природно-географического фактора, использования крестьянами особых систем земледелия, а также проводимой правительством аграрной и переселенческой политики, как части правительственной политики, направленной на включение региона в общеимперское пространство.

В работе использован широкий подход к изучению поземельных отношений. Доказано, что крестьянское землепользование не тождественно его размеру, а представляет собой целый комплекс взаимовлияющих факторов. Большое внимание в диссертации уделено изменению правительственной политики в вопросах наделения крестьян земельными угодьями. Впервые дано целостно-системное обоснование выдвинутого историками-аграрниками причин трансформации политики властей не только в вопросах переселения, но и в вопросах землепользования.

В ходе исследования получены новые системные данные, подтверждающие превалирование поземельных функций общины, вокруг которых строилась вся жизнь сельского общества. Раскрыто влияние ментальности крестьянского мира на все поземельные отношения. Дан достаточно полный анализ существовавших земельных конфликтов между различными группами населения. Все это позволило принципиально расширить научное познание процессов, происходивших не только в землепользовании внутри крестьянской общины, но и ее внешних взаимодействий с другими субъектами поземельных отношений. Изучение проблемы поземельных отношений в Сибири далеко не завершено, что приводит к выводу о необходимости продолжения поиска новых путей и форм исследования.

Основные положения, выносимые на защиту:

- на развитие крестьянского землепользования в Западной Сибири значительное влияние оказывал природно-географический фактор;
- из-за не изученности природных и климатических условий ведения земледелия, правительство было не в состоянии, верно, оценить колонизационную емкость региона. Реальные знания подменялись мифом о сибирском многоземелье;
- крестьянское землепользование развивалось на основе норм обычного права и опиралось на традиционную общинную культуру;
- крестьянская община в Сибири имела отличие от общины в Европейской России, что было связано со специфическими формами землепользования и применяемыми системами земледелия. Она выступала как коллективный рыночно-хозяйственный субъект, отстаивающий общие интересы земледельцев. Община регулировала земельные отношения, поддерживая уровень, необходимый для обеспечения общей устойчивости крестьянских хозяйств.

- рост переселенческого движения заставлял правительство постоянно изыскивать все новые земли под переселенческие участки, а нехватка земель для переселенцев вынуждало власти образовывать переселенческие участки в местностях, малопригодных для земледелия;

- правительство при проведении землеотводных работ исходило не из интересов сибирского крестьянства, а пыталось решить аграрный вопрос центра страны. При ограниченном фонде земель, пригодных для земледелия, власти вынуждены были изымать часть площадей из землепользования старожилого крестьянства и коренных народов;

- правительственная политика, направленная на обустройство как можно большего числа переселенцев не разрешала, а наоборот усиливала рост социальной напряженности. Поземельные конфликты были связаны с борьбой за продуктивные земельные угодья, а не за землю вообще;

- стремление властей к приведению крестьянского землепользования к фиксированной норме земельного надела препятствовало развитию товарного производства. Экономическое развитие западносибирской деревни представляло собой крестьянский тип эволюции (модернизации).

Практическая значимость работы. Материалы исследования послужили основой для разработки двух спецкурсов: «Землевладение и землепользование в Западной Сибири (конец XVI – начало XX веков)» и «История Сибири (дореволюционный период)». Данные спецкурсы читаются автором в рамках регионального компонента образования по Отечественной истории в Кузбасской государственной педагогической академии. Материалы и результаты диссертации могут быть использованы в лекционных курсах, семинарских занятиях по аграрной истории, а также могут быть применены при разработке программ развития сельского хозяйства и формировании аграрного законодательства.

Апробация результатов исследования. Основные положения и выводы диссертации обсуждены на объединенном заседании кафедр исторического факультета Томского государственного университета. Результаты исследования изложены в докладах и сообщениях на международных, общероссийских и региональных научных и научно-практических конференциях по истории хозяйственного развития Сибири во второй половине XIX - начала XX в. (Томск, Кемерово, Барнаул, Омск, Новосибирск, Пенза, Новокузнецк).

Предварительные результаты изучения проблемы опубликованы в двух личных монографиях и в двух коллективных монографиях, статьях в сборниках научных трудов и материалов конференций (60 п.л.).

Структура диссертации определяется целями, задачами, методологией и избранной методикой исследования. Работа включает введение, четыре главы, заключение, список использованных источников и литературы, приложение.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **введении** обоснована актуальность, раскрыта степень изученности темы, определены объект и предмет, цели и задачи исследования, его хронологические и территориальные рамки, формулируется методология, дается характеристика источников, показаны научная новизна, основные положения, выносимые на защиту и практическая значимость диссертации.

В **первой главе «Экономико-географические условия крестьянского землепользования»** на основе проводившихся исследований, дана характеристика природно-географическим условиям Западной Сибири, возможностям земледельческого освоения региона и существовавшим здесь земледельческим системам.

В **первом разделе** освещается общее состояние изученности природы и климата Западной Сибири. На развитие крестьянского землепользования в регионе влиял целый комплекс различных взаимодействующих факторов. Из них на первое место надо поставить природно-географический фактор, как определяющий развитие пашенного земледелия, являвшегося основой колонизации восточных регионов страны. В рассматриваемый период не было организовано целенаправленных научных изысканий для определения колонизационных возможностей края. Районы, где было возможно земледелие, были изучены слабо, что не давало возможности правительству составить верное представление о реальном земельном фонде. Это породило миф о существовании за Уралом огромного фонда земель, пригодного для хлебопашества, причем довольно часто называлась фантастическая цифра в 100 миллионов крестьян, которых, якобы, можно было свободно разместить на «бескрайних просторах». Климат земледельческого пояса Западной Сибири был более суров, чем в черноземной полосе Европейской России, лето и страдная пора были коротки, поэтому труд земледельца должен был быть чрезвычайно напряженным. Земледелие было возможно только на сравнительно небольшой территории, ограниченной с севера тайгой, а с юга бесплодными степями и горами. Земледельческая полоса в конце XIX в. представляла собой малонаселенную, экономически слабо освоенную территорию, с неразвитой инфраструктурой и неупорядоченным экстенсивным сельским хозяйством.

Острота проблемы, обусловленная ростом переселенческого движения, привлекла к себе научные силы и общественность. Такая включенность дала толчок к изучению главного вопроса, что же реально представлял собой земельный фонд Западной Сибири пригодный для сельскохозяйственного освоения.

Во **втором разделе** дается оценка возможностям земледельческого освоения региона. В российской цивилизации центр добился высокой

степени контроля над обществом. Власти, начиная с Петра I, ориентировались на модернизацию страны, но постоянно колебались между продвижением к модернизации, поощрением автономности экономической сферы и принудительным контролем над ней. Это привело к тому, что пропасть непонимания между народом и правительством только углублялась. Крестьяне, переселявшиеся в Сибирь, считали, что власти, если разрешили переселение, должны выделить им лучшие земли и оказать материальную поддержку, а чиновники, считавшие себя стоящими на страже интересов государства или лично монарха (кабинетские земли), не понимали, почему лучшие земли они должны предоставлять бесплатно переселенцам, а не образовывать из них оброчные статьи для последующей сдачи в аренду, с целью извлечения дохода собственниками земель.

В общественном сознании бытовал миф о бескрайних просторах благодатных земель за Уралом. Просторы эти имели свои границы, причем количество земель непосредственно пригодных для заселения и в то же время могущих быть отведенным без всякого стеснения старожилого населения, русского и инородческого, было довольно ограниченным. Следует отметить, что миф о многоземелье прочно укоренился и в сознании народа, которому хотелось верить, что где-то там далеко-далеко за Уралом есть свободная «землица, на которой возможно построить свое крестьянское счастье». Свободные земли в регионе имелись, но проблема состояла в том, что колонизационная емкость определялась не только количеством удобных для хлебопашества земель. Переселенцу было недостаточно получить урожай, если не было условий для его продажи, без денег крестьянское хозяйство не могло развиваться. Нужно было развитие инфраструктуры – это дороги, мосты, рынки сбыта, предприятия по переработке сельхозпродукции, но в исследуемый период правительством не предусматривалось вложение серьезных средств для решения этой проблемы.

В степной и лесостепной зоне земледельческой полосы фонд свободных земель из-за активизации переселенческого движения с 1880-х гг. стал стремительно сокращаться и в основном к концу XIX в. был исчерпан. Земельный фонд Западной Сибири был достаточно большим, но он имел свои границы и свободных, пригодных без вложения затрат на окультуривание земель было не так уж и много. Несмотря на то, что полных данных о количестве удобных земель, не требующих затрат на расчистку или мелиорацию выявить невозможно, но с большой долей вероятности можно утверждать, что речь может идти о количестве переселенцев как минимум раз в 15 ниже мифической цифры в 100 млн. человек. Необходимо помнить, что лучшие земли в Сибири уже были заняты крестьянами-старожилами, имеющими в вопросах землепользования свои правила и обычаи.

В *третьем разделе* анализируется эволюция земледельческих систем. Существовавшие в регионе системы земледелия значительно влияли на крестьянское землепользование и, естественно, на размер колониционного фонда. Одной из таких систем была залежная, при которой крестьянское хозяйство занимало площадь намного большую, чем использовала. Только под влиянием внешних факторов, таких как рост населения, стал происходить переход к более интенсивным методам хозяйствования. Во второй половине XIX в. залежно-паровая система была господствующей в Сибири, однако даже к началу XX в. перелог полностью не вытеснила. Системы полеводства в Сибири представляли собой разнообразные видоизменения не только в пространстве, но и во времени. По мере роста населения и сокращения земельного простора, постепенно уменьшались сроки отдыха земли в залежи, и увеличивалась продолжительность периода обработки. Крестьяне применяли такие системы земледелия, которые были наиболее практичны исходя из местных условий. Сибирское хозяйство отличалось полной свободой, не только каждая волость или община, каждый хозяин самостоятельно устанавливал севооборот для каждого состоящего в его пользовании клочка земли, применяясь к его почве и местоположению, к климату, условиям сбыта, и к собственной хозяйственной самостоятельности.

Во **второй главе «Регулирование общинных земельных отношений»** на основании проводившихся исследований охарактеризованы земельные отношения внутри крестьянского «мира», базирующиеся на нормах обычного права.

В *первом разделе* определена роль крестьянской общины в регулировании поземельных отношений. Общинное землевладение развивалось от сложных земельных союзов к складыванию простой однодеревенской поземельной общины. Крестьянство стремилось максимально приблизить низовой управленческий орган, решение окладных и судебных вопросов к своей первичной, практически действовавшей территориальной общине (однодеревенской или состоявшей из немногих заимок и малых деревень), по возможности слиться с нею. Власти же предпочитали крупные территориальные объединения, легче поддававшиеся контролю и учету. Основной причиной распада волостной общины была невозможность реализовывать принцип уравнительности в распределении податей и повинностей между отдельными селениями. Не способствовали сохранению волостной организации и существовавшие трудности в организации эффективного самоуправления, что и служило побудительным мотивом к поселенному обособлению общинного землевладения.

Во второй половине XIX в. поземельные функции общины постоянно усложнялись, община стремилась выйти за официальные рамки субъекта землепользования, утверждая свое исключительное право

владельца, распоряжающегося землей как объектом хозяйствования, что предусматривало уравнительное перераспределение земли, как между крестьянами-однообщественниками, так и целыми крестьянскими общинами, а также отстаивание своих исключительных прав на землю от посягательств со стороны. Сельская община была регулятором земельных отношений, она признавала безусловное право своих членов на участок земли, из которого, приложив свой труд, общинник мог извлечь средства для своего существования, вместе с безусловной обязательностью нести все общественные тягости в соразмерности с величиной и качеством владеемого.

Сибирская община являлась естественной формой объединения крестьян для отстаивания своих интересов, она соединяла в себе коллективное землевладение на одни угодья и индивидуальное на другие, обычное право и юридические нормы. Необходимо разграничивать понятия «общинное землевладение» и «общинное землепользование». Под землевладением понимается отношение к земле общины в целом, а под землепользованием понимаются внутренние земельные отношения. Землей владела община (крестьянский мир), а отдельным членам общины принадлежало право пользования, по правилам установленной общиной. Поземельная община осуществляла операции по аренде, обмену, наделению земельными участками, «мир» распоряжался землей. Процесс формирования и организационного оформления сельских обществ в Сибири шел достаточно трудно и долго. Неравномерное владение и пользование землей, когда одни селения испытывали недостаток угодий, а другие владели громадными неосвоенными излишками, вело к земельным конфликтам и к социальной напряженности.

Во *втором разделе* проанализирован генезис форм крестьянского землепользования. На начальном этапе земледельческого освоения региона, в условиях существования свободных земельных ресурсов наиболее распространенной формой землепользования становится захват, сущность которого заключалась в неограниченном праве поселенца захватить в своё пользование земельный участок (заимку). Образование заимок было обусловлено как земельным простором, так и совокупностью земельных обычаев общины в Сибири. Заимочная форма владения землей не отрицала общину, которая, являлась распорядителем земель, предоставляла своим членам неограниченную свободу занятия пустующих земель, вложение своего труда в их обработку, что давало право на исключительное пользование. Основанием заимочного права служили принципы захвата, труда и давности, что проявилось в правах владения, пользования и распоряжения. Допуская свободное завладение земель, община рассчитывала на расширение культурной площади. Постепенно захватное землевладение уступило место вольному

пользованию, при котором заимщик имел право на занимаемые земли, до тех пор, пока он их обрабатывал.

С сокращением фонда свободных земель, для вольного пользования оставались лишь худшие по почвенным условиям земли, вольное пользование начинает меняться на уравнильно-душевое землепользование. Мало-помалу появляются частные поравнения и основными факторами в этом процессе являлись прирост населения и сокращение когда-то безграничного земельного простора. Для наделения растущего населения стали производиться отрезки из землепользования тех общественников, которых община считала захватившими слишком много земель по сравнению с лежащими на них платежами. В основе передела лежала оценка качества переделываемых земель. Процесс эволюции форм землепользования совершался медленно и постепенно, неограниченное захватное пользование пахотными землями, связанное с правом отчуждения и передачи по наследству, уступало место ограниченным захватным формам.

Установлено, что все три формы крестьянского землепользования: заимочно-захватное, вольное и уравнильно-душевое по отношению к разным видам угодий могли существовать одновременно на территории одного селения. Во второй половине XIX в. формы землепользования эволюционировали в сторону укрепления поземельной передельной общины. С формами землепользования связана эволюция земледельческих систем. Заимочно-захватному землепользованию, распространенному в первой половине XIX в., соответствовало залежное и переложное земледелие, захватно-вольному, господствующему во второй половине XIX в. – залежно-паровое хозяйство, а общинно-передельному конца XIX в. – паровое хозяйство. Формы землепользования и системы полеводства определялись одной основной причиной - населённостью данной местности в сравнении с количеством в ней удобных для сельскохозяйственной культуры земель и представляли собой разнообразные видоизменения не только в пространстве, но и во времени.

На развитие крестьянского землепользования влияли природно-климатические условия региона, что обуславливало выработку своих агротехнических приёмов обработки земель. Сибирский крестьянин вел свое хозяйство исходя из местных условий и экономической целесообразности.

В *третьем разделе* раскрывается влияние обычного права на поземельные отношения. Во взаимоотношениях крестьян и государства в области землепользования существовало определенное противостояние. Естественно, что власти издавали указы, пытаясь подвести законодательную базу в поземельных отношениях с населением, но необходимо помнить, что существует вечное противоречие между законом и его применением. В основе принимаемых общиной решений по

вопросам землепользования лежало обычное право, которое во многом не согласовывалось с официальным законодательством. Особенно это отчетливо прослеживается при отводе земельных участков. Государственные чиновники, проводившие межевание крестьянских земель, за норму принимали площадь отводимых земель (15 десятин на душу мужского пола), а крестьяне в основе определения размера надела считали производительность, то есть какой с данного участка можно получить урожай (для сенокосов, сколько можно поставить копен сена). Повседневная практика приводила к столкновению юридических норм и норм обычного права, что и служило основой большинства земельных конфликтов.

Никогда и никакой закон не в состоянии охватить все сложные и бесконечно разнообразные явления действительности. Развитие аграрных отношений привело к тому, что позитивное право постепенно стало вытеснять обычное право, сфера применения которого в поземельных отношениях уменьшилась, но не исчезла. Русские крестьяне, поселившись в Сибири, жили по обычному праву, так как вся жизнь русской деревни строилось на этом праве. В поземельной практике народ руководствовался своими неписанными законами, выработанными жизнью и установившимися юридическими воззрениями и обычаями.

В **третьей главе «Переселения и земельные отношения»** на базе законодательных актов, циркуляров, правительственных распоряжений, широкого комплекса архивных источников раскрыто влияние переселений на развитие крестьянского землепользования.

В **первом разделе** рассмотрено развитие переселенческого процесса во второй половине XIX в. Проведённые в 1860-х гг. реформы создали предпосылки прогрессирующего малоземелья для крестьян в Европейской России, что толкало их на переселения. Несмотря на рост малоземелья в центральных губерниях переселение не поощрялось, из-за опасения потери дешёвых рабочих рук помещиками. Ограничения на легальные переселения повлекли за собой быстрый рост самовольных переселений. Правила, регулирующие переселения были приняты только в 1881г., что сразу сказалось на резком увеличении количества переселений. Это повлекло за собой принятие 13 июля 1889г. переселенческого закона, в основе которого лежал принцип «скорее сдерживания переселения, чем его поощрения».

Переселенческий закон, созданный бюрократическим аппаратом, нёс в себе противоречия, он, из-за ряда ограничений, толкал крестьян на самовольные переселения. Отметим ограниченность правительственного подхода к освоению огромных сибирских пространств, который предусматривал только земледельческое освоение восточных окраин, а вопросы промышленного развития даже не ставились. Политика правительства была реакцией на стихийный переселенческий процесс,

стремясь удержать его в каких-то определенных рамках власти, то поощряли, то запрещали переселения, но сколько-нибудь продуманной стратегии не наблюдалось.

Правительству не удалось посредством переселений снять остроту аграрного вопроса в центральных губерниях. Организация переселенческого процесса выявила много негативных моментов, из которых главнейшим было отсутствие заранее подготовленных переселенческих участков. Проводимая властями политика была полна противоречий, между субъективно благими намерениями и объективно плачевными результатами. Пытаясь снять социальную напряженность в центре страны, правительство посеяло семена раздора в сибирской окраине. Переселенцы стремились осесть в уже обжитых районах, а при отсутствии четких и определенных границ землепользования это вело к конфликтам. Поступавшие в огромном количестве жалобы, как от переселенцев, так и от старожилов вынуждали правительство искать пути их разрешения. Уже с начала 1880-х гг. остро встал вопрос о необходимости приведения крестьянского землепользования в строго очерченные границы.

Во *втором разделе* охарактеризована организация землеотводных работ. С начала XIX в. предпринимались попытки выяснить размер фонда свободных земель пригодных для земледелия, а одновременно определить районы новых крестьянских поселений и выделить часть земельных угодий под оброчные статьи. Межевые работы проводились не сплошь, а выборочно, причем инструментально снимались только волостные рубежи. Формировались волостные районы огромными по площади, в состав некоторых входили селения нередко отстоявшие друг от друга на 100 и более верст, причем внутренняя ситуация в крестьянских дачах обозревалась объездом и рисовалась глазомерно. Результатами работ, которые проводились лишены порядка и системы с конца 1830-х до середины 1880-х гг., с целью устроить старожилое население в земельном отношении, чтобы эксплуатировать остальные земельные угодья, воспользоваться практически было невозможно.

Переселение в Сибирь потребовало от правительства организации землеотводных работ. Увеличивающийся переселенческий поток привел к учреждению в 1885 г. Западно-Сибирского переселенческого отряда. Была поставлена задача, ограничить крестьянское землепользование земельным наделом из расчета 15 десятин удобной земли на душу мужского пола. Из земель, оставшихся после наделения крестьян, должны были быть образованы переселенческие участки. Работа отряда внесла существенные отступления от определенного при прежних работах порядка, было принято решение, что 15 десятин, это не норма надела, а его верхний предел. Работы отряда продвигались крайне медленно, что привело к положению, когда количество переселенцев стало в разы превышать

количество заготавливаемых для них участков. Землеотводные работы требовалось увеличить и в 1893 г. были учреждены особые Временные партии, работы которых охватили районы 200 верстовой полосы вдоль строящейся магистрали. Отряд и партии спешили с образованием переселенческих участков, поэтому осуществляли отвод больших земельных пространств, из которых, по прибытии переселенческих партий, вырезались участки по размеру, соответствующие числу прибывших переселенцев.

Сам характер землеотводных работ способствовал тому, что в переселенческие участки замежевывались земли мало или совсем не пригодные к ведению земледелия, поэтому переселенцы часто отказывались селиться на них. Норма в 15 десятин удобной земли на душу мужского пола только казалось равной для всех. В действительности не существовало четкого определения, что считать удобной землей. Далеко не вся «удобная земля» была пригодна для земледелия, а процент годных под пашню земель в крестьянском наделе имел чрезвычайно широкие колебания. Преследовалась цель не столько подчинить сельское население, крестьянское и инородческое, определенному земельному наделу, сколько фактическое сокращение границ крестьянского землепользования. Доказано, что чины отряда и партий занимались не только отводом земель переселенцам, но и образованием казенных оброчных статей и сдачей их в аренду, а за повышение оброчных доходов они получали наградные деньги. Это способствовало тому, что у старожилого населения отрезались наиболее ценные угодья, которые можно было сдать в аренду, а переселенцам отводились земли, что похуже. Проводимые работы провоцировали возникновение массового недовольства как среди старожилого населения, так и переселенцев.

Установлено, что природно-географические условия позволяли использовать для земледелия в Западной Сибири лишь узкую лесостепную полосу, разделив которую на переселенческие участки из расчета 15 десятин на душу мужского пола, можно было водворить сотни тысяч переселенцев, но никак не десятки миллионов.

В *третьем разделе* дана оценка деятельности Комитета Сибирской железной дороги по отводу земель переселенцам. С учреждением КСЖД ситуация меняется, Комитет с первых дней своего существования ставил задачу содействия переселению в Сибирь. Он образовывался как координатор строительства Транссиба, но фактически стал правительственным органом по освоению Сибири. Высшие государственные чины совершают поездки в Сибирь, для ознакомления с ситуацией на месте, что способствует выработке правительственной политики. Комитет рассматривал переселенцев как важнейшую составляющую часть при освоении прижелезнодорожной полосы, поэтому принимаются решения о выделении переселенцам ряда льгот и пособий. В

частности был снижен железнодорожный тариф, что привело к увеличению в составе переселенцев бедняков, которые, не сумев обустроиться на новом месте, составляли основную часть обратных переселенцев.

Однако, несмотря на проведенную работу по организации переселений, КСЖД оказался не на высоте положения. Главное – не были выяснены фонды свободных земель, пригодных для земледелия, а весь переселенческий процесс предусматривал только крестьянскую колонизацию. Научные изыскания, из-за недостатка финансирования, были проведены фрагментарно, что не давало возможности установить размер фонда земель, пригодных для земледелия. При проведении переселенческой политики правительство вынуждено было оперировать не научными данными, а своими представлениями о колонизационных возможностях Сибири. Отсюда происходит и та непоследовательность в правительственных решениях – постоянное колебание от поощрений, в виде ссуд и льгот, а также выпуска агитационной литературы, которая расписывала условия жизни в Сибири в розовых красках, до полного запрета на переселение, когда переселенческая волна поглощала все немногочисленные заготовленные переселенческие участки. С одной стороны, правительство, уповая на свои запретительные меры, желала ввести в русло переселенческий процесс, подчинив его строжайшей регламентации. С другой – крестьянство, страдая от малоземелья и, связывая свои надежды на лучшую жизнь с переселением в Сибирь, проявляла нетерпение, отсюда и огромный поток самовольных переселений. В основе всех переселенческих коллизий лежит разный подход к переселению: правительство считало, что переселенцам для их основательного обустройства в Сибири достаточно выделить минимальные средства из бюджета (на проезд, домообзороводство), а крестьяне верили в государственный патернализм и раз переселение разрешили, значит и все заботы, государство должно было взять на себя.

Все увеличивающийся переселенческий поток поставил местную администрацию в крайне затруднительное положение. Необходимо было срочно изыскивать дополнительно участки для переселенцев, и внимание было обращено на таежные районы. Чином, заведующим переселением, было рекомендовано не отводить под участки пространств, покрытых сплошным лесом, где не было чистых полей, предоставляющих возможность переселенцам обеспечить себя сельскохозяйственными угодьями. В таежных районах мест, пригодных под заселение и земледельческое освоение, было не много, а учитывая политику лесного ведомства, которое лучшие высокие места отводило под лесные дачи с целью сдачи их в аренду, количество таких мест еще более уменьшалось. Нами установлено, что недостаток переселенческих участков вынудил правительство отменить свои рекомендации по заселению таежных

пространств и распорядиться, что отсутствие в площади переселенческих участков пространств, свободных от леса и доступных для немедленного обращения под культуру, не может служить препятствием к заселению. Такая постановка дела привела к тому, что переселенцы отказывались селиться на предоставляемых участках, а движение обратных переселенцев стало возрастать.

Само строительство Транссиба создало новую ситуацию в процессе колонизации региона. Правительство было полно благих намерений и считало, что проводимые им мероприятия приведут к решению аграрного вопроса. Несмотря на просчеты, допущенные в тактике и стратегии переселенческой политики, в регионе обустроились сотни тысяч русских крестьян, а в сельскохозяйственный оборот были включены миллионы десятин ранее пустующих земель.

В четвертой главе **«Особенности внеобщинного крестьянского землепользования»** на основе отложившихся в архивных фондах прошений крестьян, административных документов, научных публикаций показано отличие, существовавшее в крестьянском землепользовании в Западной Сибири.

В *первом разделе* дана характеристика земельно-арендным отношениям на казенных землях. Государство не вело непосредственно земледельческого или лесного хозяйства, а использовала землю как объект собственности для извлечения доходов от сдачи земельных угодий и лесов в аренду. Перед правительством стояла трудная задача. С одной стороны, необходимо было устроить на свободных землях Сибири все более возрастающий вал переселенцев из центральных губерний, а с другой стороны – повысить государственный доход. Переселенцам земля предоставлялась в пользование бесплатно, и доход с них государство получало в виде оброчной подати и поземельных сборов, а дополнительный доход предполагалось получать от сдачи в аренду казенных земель. Возникла дилемма, если отвести хорошие земли переселенцам, а в оброчные статьи отмежевать плохие, то естественно, кому нужны малоценные земли? С другой стороны, отвод лучших земель под участки, сдаваемые в аренду, соответственно предполагал включение худших земель в переселенческие участки, что вело к разорению переселенческие крестьянские хозяйства и, соответственно, к снижению поступаемых с них сборов в казну.

Правительство пошло по пути поднятия доходности от казенно-оброчных статей, для чего проводилась их переоценка. Земли, что похуже, передавались переселенческому управлению, арендный фонд качественно улучшился, что подняло его доходность, а переселенцы вынуждены были, из-за низкого качества предоставляемых земельных участков, арендовать казенные земли. В погоне за увеличением доходов в аренду сдавались земли, принадлежащие коренному населению. В итоге, получаемые доходы от

аренды были мизерными, а недовольство крестьян огромное. Чиновникам, управлявшим от имени государства, не удалось создать эффективное, приносящее высокие доходы арендное хозяйство.

Законы, ограничивающие права крестьян в пользовании земельными и лесными наделами, создавали обстановку негарантированности крестьянского землепользования и серьезно затрудняли мобилизацию земли, не стимулируя вложение капиталов в сельское производство и потворствуя хищническому хозяйствованию. При отсутствии в Сибири свободы отчуждения земель, сдача-аренда заменяла собой земельную мобилизацию и была широко распространена между крестьянами. Это являлось единственным средством удовлетворения спроса на различные земельные угодья, здесь через аренду приводились в соответствие производительные силы отдельных хозяйств с площадью их приложения. Крестьяне, естественно, не были удовлетворены, проводимой Казной арендной политикой и их протест выражался, в первую очередь, в отказе от внесения арендной платы и в самовольном пользовании арендными участками. Наиболее активно крестьяне выступали против отмежевания своих земель в арендный фонд. Ограничение прав крестьян на пользование лесными наделами приводило к массовым порубкам и «лесные беспорядки» составляли содержание подавляющей части крестьянских выступлений.

Во *втором разделе* характеризуются земельно-арендные отношения на землях Кабинета. С начала обвального падения производства в горнозаводской промышленности, Кабинет стал утрачивать интерес к ее развитию. Для получения доходов было решено развивать земельно-арендное хозяйство. В условиях земельного простора потребовался длительный промежуток времени, чтобы к 1880-м гг. за счет переселенцев повысить стоимость земли. Отсутствие узаконенных условий аренды и неопределенность землепользования в округе предоставляло неограниченные права чиновникам, которые произвольно толковали те или иные распоряжения Кабинета. С 1884 г. стало практиковаться обмежевание арендных земель, разбивка их на участки, составление арендных правил и арендных книг, учет «земельного имущества». Кабинет реализовывал право собственности на землю не столько в ограничении земельных прав крестьян и во вмешательстве в их личные дела, а во взимании оброчной подати, арендных сборов и других платежей.

Сформировалось два подхода к управлению земельно-арендным хозяйством. Первый был построен на извлечении прибыли через эксплуатацию ресурсов региона, т.е. получение платы за землю в виде подушной подати и сдаче земли в аренду. Второй подход основывался на повышении стоимости самой земли и доминирования лесозаготовки над другими отраслями кабинетского хозяйства. Крестьянам были запрещены всякие порубки леса, вырубленный лес изымался,

накладывались штрафы, а лесная стража занималась незаконными поборами. Такая политика Кабинета вела к волнениям среди крестьян. Бюрократический аппарат, управляющий Алтайским округом не смог создать эффективного арендного хозяйства, чиновникам намного проще исполнять вышестоящие указания, чем проявлять собственную инициативу, когда Кабинету не удавалось обеспечить доходное использование земель, предпочиталось просто держать их незанятыми, и значительная часть кабинетских земель пустовала и не использовалась. Сибирь была не в состоянии поглотить миллионы без- и малоземельных крестьян, но ослабить кризис было возможно, передав арендный фонд под переселенческие участки.

В *третьем разделе* проанализирован характер поземельных отношений. На документальной основе показаны причины конфликтных ситуаций между различными группами населения: переселенцев со старожилами, казаками, коренными народами, а также причины поземельных конфликтов внутри этих групп.

В Сибири не было и не могло быть особого, оторванного от всей страны, аграрного вопроса. В земледельческой колонизации Сибири человеческий фактор играл немаловажную роль. Здесь были задействованы три силы: чиновники всех рангов в столице и на местах, переселенцы и сибирское крестьянство, причем векторы этих сил были разнонаправленными. Политика правительства, направленная на унификацию землепользования, когда для приведения к 15-ти десятиной «пропорции» у одних изымались земельные угодья для наделения других, вела в никуда, порождая вал поземельных конфликтов. Однако, чиновников больше всего интересовало, чтобы в их реляциях было видно «благополучие» всех крестьян, как переселенцев, так и старожилов. Доказано, что в переселенцы требовали предоставления им земельных наделов, не уступающих по качеству, оставленным в местах выхода, а старожилы бились за сохранение в их землепользовании как можно большего числа продуктивных угодий. Земельный фонд к концу XIX в. фактически был исчерпан, оставались свободными лишь земли, которые для приведения их в культурное состояние требовали значительных затрат. Отсутствие достаточного количества земель, пригодных для земледелия для всех, кого правительство вознамерилось наделить, лежит в основе поземельных конфликтов. Документально аргументирован вывод, что, поземельные конфликты являлись не только продуктом правительственной политики, но и результатом влияния традиционного права и ментальности крестьян, выходцев из различных областей Европейской России.

По мере исчерпания фонда свободных земель, встал вопрос об изъятии земель из пользования коренного населения. В местах водворения переселенцев в Сибири создается общее недовольство: кочевые народы были недовольны отрезкой от них земель без соответствующей

компенсации; старожилы, вынесшие на своих плечах первоначальную трудность вольной колонизации, не могли радоваться тому, что у них отбирают земельные «излишки»; переселенцы массами бежали с малопригодных для земледелия участков. В целом доказано, что правительство было не готово к решению вопроса об устройстве переселенцев.

Создавшееся положение вынудило правительство принять закон о землеустройстве, в надежде, что это поможет образовать новые участки для переселенцев, с целью разрешить не столько вопросы крестьянского землепользования в Сибири, сколько аграрный кризис в центре страны.

В заключении подведены итоги и сформулированы основные выводы диссертационной работы.

Развитие крестьянского землепользования в регионе происходило в специфических условиях слабой заселенности и наличия свободных, пригодных для ведения сельского хозяйства, земель. Пока существовал земельный простор, поселенец на захваченном участке земли мог основать заимку и начать вести хозяйство. Регулятором земельных отношений была сельская община, которая признавала безусловное право своих членов на участок земли, при условии несения всех причитающихся платежей и повинностей в соответствии с величиной и качеством владеемого участка. При решении поземельных вопросов традиция, а не закон служила обоснованием прав и была весомым аргументом в споре. Обычное право во многом не согласовывалось с официальным законодательством, что приводило к столкновению норм позитивного и обычного права. Исторически сложившееся крестьянское землепользование представляло собой систему отношений, выстроенных сельским обществом для обеспечения своих членов жизненно необходимыми средствами. Вся эта сложная система находилась вне понимания правительственных бюрократов, зачастую крестьянское землепользование отождествлялось только с его размером. Однако размер, занимаемых крестьянами земельных угодий – это только часть крестьянского землепользования, как системы отношений, основанных на традиционном праве.

Проведение в Российской империи в 1860-х гг. «Великих реформ», дало возможность бывшим крепостным крестьянам переселяться на новые земли. Однако прошли годы, прежде чем правительство приняло законодательные акты, направленные на придание хаотическому народному движению за Урал форм колониационного освоения. Относительное аграрное перенаселение центральных губерний империи заставило правительство пересмотреть свои взгляды на земледельческое освоение региона. Возобладало мнение, что аграрный вопрос можно разрешить посредством переселения в Сибирь десятков миллионов малоземельных крестьян. В воображении правительственных бюрократов бытовала фантастическая цифра в сто миллионов крестьян, которых якобы

было возможно легко расселить на «бескрайних просторах благодатных земель за Уралом». Однако, возможности земледелия на этом пространстве не были изучены, а эти «просторы» имели свои природно-географические границы.

В порядке определения размеров крестьянского землепользования существовало противоречие между официальным законодательством и обычно – правовыми отношениями, царившими в крестьянской среде. Власти исходили из того, что крестьянское землепользование необходимо ввести в строго ограниченные рамки, в основе которых лежала единица площади, измеряемая в 15 десятин земельного надела и 3 десятины леса на душу мужского пола. Крестьяне к размеру земельных угодий подходили с принципиально других позиций, земельные угодья оценивались не по их размеру, а по производительности, так как с участков равных по площади можно собрать количественно и качественно разный урожай. Именно этот различный подход к определению размеров крестьянского землепользования был основой противостояния между крестьянской общиной и государственными чиновниками. Задача приведения крестьянского надела в ограниченные арифметической площадью рамки, ставилась правительством для достижения двух целей. Первая – образование фонда земель для переселенцев и, вторая – для получения доходов от сдачи в аренду крестьянам земельных угодий. Принятие за основу арифметической площади земельного надела вело к тому, что, зачастую, в отводимый участок замежевывались земли малопригодные для ведения земледелия.

Для решения вопросов по размещению переселенцев в 1885 г. был создан Западно-Сибирский переселенческий отряд. Поставленные перед отрядом задачи включали в себя не только образование переселенческих и запасных участков, но также и отвод ценных земельных угодий в арендные статьи. Количество заготовленных участков часто было гораздо меньше количества переселенцев, в них нуждающихся, а качество земель, отводимых переселенцам, было низким, что вело к отказу переселенцев селиться на них. Переселенцы вынуждены были самовольно селиться на старожильческих землях, а также занимать казенно-оброчные участки.

Все возрастающий вал переселенческого движения повлек принятие переселенческого закона от 13 июля 1889 г., который в своей основе был противоречив и нес в себе ряд ограничений на переселения. Ситуация начинает кардинально меняться с учреждением 10 декабря 1892 г. Комитета Сибирской железной дороги. Для увеличения землеотводных работ в помощь переселенческому отряду учреждаются временные партии, действия которых охватывают 200 верстовую полосу вдоль железнодорожной линии. «Истощение» пригодных для земледелия земель в районе Сибирской железной дороги вынуждает КСЖД перенести работы по отводу переселенческих участков в таежную зону, соответственно

качество отводимых земель резко ухудшается, что приводит к росту обратного переселения. Перенос землеотводных работ в таежные районы был вынужденным, так как фонд свободных, пригодных к земледелию земель к концу XIX в. был практически исчерпан.

Государство, используя свое право собственника сибирских земель, пыталось извлечь из региона дополнительные, помимо собираемых с крестьян оброка и податей, доходы. С этой целью было организовано земельно-арендное хозяйство Казны, однако, получаемый от сдачи в аренду земельных и лесных участков доход, не стоил того ущерба, который наносился крестьянскому хозяйству, как старожилов, так и переселенцев. В погоне за повышением доходности от арендных участков чины Переселенческого отряда, вырезали из крестьянского землепользования лучшие продуктивные угодья. Ситуация усугублялась еще и тем, что «отрезки» у старожилов «излишних» земель вели не только к расстройству налаженного хозяйства, но и к усилению социальной напряженности.

Наиболее плодородные земли находились в Алтайском округе, принадлежали лично правящему монарху и управлялись специальным органом – Кабинетом. Крестьянское землепользование на кабинетских землях имело свою специфику, но и здесь интересы владельца земель представляло всевластное чиновничество, которое порой доводило порученное дело до абсурда, в частности в вопросах лесопользования. Изъятие из крестьянского землепользования лесных угодий приводило к массовым порубкам. Алтайской администрации, также как и правительственной, не удалось создать высокодоходного арендного хозяйства, но попытка его организации нанесла значительный урон крестьянскому хозяйству. Изъятие лучших земель у старожилов и предоставление переселенцам малоприспособленных для земледелия участков не разрешало существующих вопросов крестьянского землепользования.

Власти всегда исходили из убеждения, что окраины империи должны служить интересам центра страны. Правительство ошибочно стало считать, что принятый 23 мая 1896 г. землеустроительный закон, направленный на изъятие из землепользования старожилого и коренного населения «излишнего» земельного фонда позволит решить аграрный вопрос центра страны, не имея при этом, реальных данных, сколько же крестьянских душ можно разместить на этих землях. Отнимая земли у старожилов для переселенцев, власти сеяли семена раздора. В Сибири не было и не могло быть особого, оторванного от всей страны аграрного вопроса, но, безусловно, поземельные отношения в Западной Сибири во второй половине XIX в. имели свои особенности: не представляя реальных размеров существовавшего крестьянского землепользования, а также колонизационного фонда, правительство не могло просчитать ситуацию с

переселением, а вынуждено было заниматься «пожарными» методами расселения переселенцев.

Проводимая правительственной бюрократией политика вела в тупик, так как ограничение размеров крестьянского землепользования, при отсутствии частной собственности на землю, ставило непреодолимую преграду широкому развитию товарного хозяйства, а также приводило к структурным изменениям – сокращению удельного веса скотоводства по отношению к земледелию. Объективно правительственная политика стимулировала существование только потребительского крестьянского хозяйства.

Крестьянское землепользование в Западной Сибири во второй половине XIX в. являлось частью аграрного строя Сибири и представляло собой сложную систему взаимоотношений. Система есть комплекс элементов, находящихся во взаимодействии. Систему крестьянского землепользования составляло взаимодействие следующих элементов: природно-климатического; норм обычного права, исходящих из глубины традиционного народного бытия; аграрной и переселенческой политики государства. Поэлементное изучение детерминирующих факторов природно-географического, политико-экономического и социально-психологического свойства, позволяет определить общее и особенное в крестьянском землепользовании и расширить горизонты дальнейших исследований аграрной истории Сибири.

В **приложении** приводятся таблицы обработанных статистических данных о размерах крестьянских наделов, а также карты и диаграммы, поясняющие развитие крестьянского землепользования.

Содержание диссертации отражено в следующих основных публикациях:

Статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых научных журналах, определенных ВАК Минобрнауки России:

1. Дорофеев М.В. Земельный вопрос и переселение в годы столыпинской аграрной реформы //Омский научный вестник – Омск, 2006. – № 9 (47). – С.32– 34 (0,45 п.л.).
2. Дорофеев М.В. Влияние столыпинской аграрной реформы на крестьянское землепользование в Сибири //Вестник Новосибирского государственного университета. Новосибирск, 2007. – Т.6. – Вып.1: История. – С.164– 169 (1 п.л.).
3. Дорофеев М.В. Земельная реформа в Сибири 1896– 1916 гг. (аспекты взаимоотношений власти и крестьянства) //Вестник Томского государственного университета. – Томск, 2007. – № 303. – С. 69– 73 (0,75 п.л.).
4. Дорофеев М.В. Обратное переселение из Сибири (конец XIX – начало XX века): природно-климатический аспект проблемы //Вестник Томского

государственного университета. – Томск, 2008. – № 309. – С.75– 79 (0,75 п.л.).

5. Дорофеев М.В. Земельные отношения и социальная дифференциация в западносибирской деревне начала XX века //Вестник Томского государственного университета. – Томск, 2008. – № 315. – С.75– 78 (0,6 п.л.).

6. Дорофеев М.В. Поземельные отношения крестьян (переселенцы и старожилы на Алтае в 1880-х годах) //Вестник Томского государственного университета. – Томск, 2009. № 322. – С.95– 98 (0,6 п.л.).

7. Дорофеев М.В. Поземельные отношения в Горном Алтае в конце XIX в. (крестьяне-земледельцы и кочевники-скотоводы) //Вестник Томского государственного университета. – Томск, 2009. – № 324. – С.177– 179 (0,45 п.л.).

Монографии и учебные пособия:

1. Дорофеев М.В. Землевладение и землепользование в Западной Сибири (конец XVI – начало XX вв.). Учеб.пособие. – Новокузнецк: РИО КузГПА 2006. – 135 с. (8,45 п.л.).

2. Дорофеев М.В. История Сибири: Учебное пособие для студентов неисторических факультетов / М.В.Дорофеев. – Новокузнецк: РИО КузГПА, 2007. – 135 с. (8,45 п.л.).

3. Дорофеев М.В. Земельные отношения в Томской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. Монография. – Новокузнецк: РИО КузГПА, 2007. – 136 с. (8,45 п.л.).

4. Дорофеев М.В. Крестьянское землепользование в Западной Сибири во второй половине XIX века. – Томск: Томский государственный университет., 2009. – 320 с. (19,3 п.л.)

5. Дорофеев М.В. Порядок землевладения и землепользования как фактор экономической напряженности в начале XVII в. // Факторы формирования духовного мира и социального облика населения Западной Сибири с древности до современности: Научный ежегодник Томского МИОН. – 2003: Колл. монография. – Томск: Изд-во НТЛ, 2004. – С. 204 – 209 (0,4 п.л.).

6. Дорофеев М.В. К истории формирования рабочих кадров Кузбасса из крестьян-отходников //Проблемы урбанизации восточных регионов России в XIX – XX вв. Коллективная монография (к 60-летию профессора В.П.Андреева). – Томск: Изд-во ТГАСУ, 2007. – С.51– 55 (0,3 п.л.).

Другие публикации:

1. Дорофеев М.В. Политика патернализма и земельный вопрос в отношениях между русскими переселенцами и коренными народами Сибири // Культура и власть: Сб. статей II Всероссийской научно-практической конференции. – Пенза: Изд. Пензенского гос. пед. ун-та им. В.Г. Белинского, 2004. – С. 111 – 113 (0,2 п.л.)

2. Дорофеев М.В. Земельные конфликты в Западной Сибири на рубеже XIX - XX вв. и их влияние на развитие революционной ситуации в России // Революции и гражданские войны в России и Америке: сравнительно-исторический анализ: Материалы международной научной конференции. – Новокузнецк: Изд-во КузГПА, 2004. – С. 68 – 71 (0,25 п.л.).
3. Дорофеев М.В. Земельные конфликты в Западной Сибири в конце XIX - начале XX вв. // Человек - текст - эпоха: Сб. науч. статей и материалов. - Вып. 1: Формирование жизненной среды и менталитета. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004. – С. 206 – 211 (0,4 п.л.).
4. Дорофеев М.В. Земельные отношения в Томской губернии в пореформенный период (1861 – 1896 гг.) // Общество и власть: Кузбасс в составе Томской губернии (1804 – 1925 гг.): Материалы научной конференции, посвященной 200-летию со дня образования Томской губернии. – Кемерово: Архивное управление Кемеровской области, 2004. – С. 158 – 163 (0,4 п.л.).
5. Дорофеев М.В. Особенности землевладения и землепользования в Западной Сибири накануне столыпинской аграрной реформы. // Материалы международной конференции «Первые исторические чтения Томского государственного педагогического университета». – Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2005. – С. 136 – 140 (0,3 п.л.).
6. Дорофеев М.В. Переселение и земельные отношения на рубеже XIX - XX вв. //VI Международная научно-практическая конференция «Сибирская деревня: история, современные состояния, перспективы развития» в Омском аграрном университете 30-31 марта 2006 г. – Омск, 2006. – С. 209– 214 (0,4 п.л.).
7. Дорофеев М.В. Поземельные отношения в Западной Сибири (XIX – начала XX вв.): историография проблемы // II Чтения, посвященные памяти Р.Л.Яворского (1925-1995): Материалы Всероссийской научной конференции. – Новокузнецк, 2006. – С.80– 91 (0,75 п.л.).
8. Дорофеев М.В. Влияние столыпинской аграрной реформы на землевладение в Сибири (по материалам Томской губернии) //Сибирское общество в период социальных трансформаций XX в.: материалы Всероссийской научной конференции (Томск 19-21 октября 2005 г.). – Томск: Изд-во Том.ун-та, 2007. – С. 78– 85 (0,5 п.л.).
9. Дорофеев М.В. Землеустройство и активизация переселенческого движения в Сибирь в 1907 – 1914 гг. //Сб.статей III Всероссийской научно-практической конференции «Власть и воздействие на массовое сознание», март 2007 г. – Пенза: РИО ПГСХА, 2007. – С.47– 50 (0,25 п.л.).
10. Дорофеев М.В. Земельные отношения и обычное право (Западная Сибирь в XIX – начале XX вв.) //III Чтения посвященные памяти Р.Л.Яворского (1925-1995): Материалы международной научной конференции. – Новокузнецк: изд-во РИО КузГПА, 2007. – С.93– 98 (0,4 п.л.).

11. Дорофеев М.В. Переселение крестьян в Сибирь и размер пригодного для колонизации земельного фонда (конец XIX в.) //Хозяйственное и культурное развитие Урала и Сибири в XIX – XXI в. Сб.науч.трудов, посвященный 15-ти летию общеобразовательного факультета. – Томск: Изд-во ООО «Графика», 2008. – С.22– 25 (0,25 п.л.).
12. Дорофеев М.В. Традиционное право в регулировании земельных отношений в Сибири (вторая половина XIX – начало XX вв.) //Интеллектуальный и индустриальный потенциал регионов России: сб.науч.статей. – Кемерово: «Кузбассвузиздат», 2008. – С.182– 187 (0,4 п.л.).
13. Дорофеев М.В. Деятельность Западно-Сибирского переселенческого отряда и временных партий по заготовке земельных участков (1885–1902 гг.) //IV Чтения, посвященные памяти Р.Яворского (1925– 1995): Материалы Международной научной конференции. – Новокузнецк: РИО КузГПА, 2008. – С.119– 122 (0,25 п.л.).
14. Дорофеев М.В. Частная собственность на землю: ожидания и реальность //Кузбасс на рубеже веков: экономика, политика, культура. – Томск: Изд-во НТЛ, 2008. – С.99– 102 (0,25 п.л.).
15. Дорофеев М.В. Год 1917: социально-психологические аспекты крестьянского протеста в Западной Сибири //Октябрь 1917: Вызовы для XXI века. – М., 2009. – С.242– 246 (0,3 п.л.).
16. Дорофеев М.В. Крестьянское землепользование в Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX вв.: некоторые задачи по изучению проблемы //Актуальные вопросы Сибири: Седьмые научные чтения памяти профессора А.П.Бородавкина: Сб.матер.науч.конф. – Барнаул, 2009. – С.141– 143 (0,45 п.л.).
17. Дорофеев М.В. Поземельная община в Западной Сибири во второй половине XIX века //V чтения, посвященные памяти Р.Л.Яворского (1925 – 1995): Материалы международной научной конференции. – Новокузнецк: РИО КузГПА, 2009. – С.57– 62 (0,4 п.л.).
18. Дорофеев М.В. Адаптация к официальному законодательству обычно-правовых воззрений сибирского крестьянства на владение земельным наделом (начало XX века) //Проблемы аграрного и демографического развития Сибири в XX – начале XXI в.: Материалы Всероссийской научной конференции. – Новосибирск, 2009. – С.10– 13 (0,25 п.л.).
19. Дорофеев М.В. Крестьянское землепользование в Западной Сибири во второй половине XIX века (к вопросу об отсталости систем полеводства). Материалы Всерос.науч.конф., посвященной 100-летию со дня рождения профессора З.Я.Бояршиновой 6-7 мая 2009 в г.Томске «Хозяйственное освоение Сибири в XVII – начале XX в.: источники, историография и дискуссионные проблемы» //Вестник Томского государственного университета. История. №3 (7). – Томск, 2009. – С.81– 86 (0,9 п.л.).